

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени
В.М. Шукшина»
(АГГПУ им. В.М. Шукшина)

**Взаимоотношения Русской Православной Церкви и Советского
государства в 1941 — 1945 гг.**

Выпускная квалификационная работа

Допустить к защите

и.о.зав. кафедрой историко-
правовых и социально-
гуманитарных дисциплин
канд.истор.наук, доц.

**Орлов Дмитрий
Сергеевич**

« ___ » _____ 2016 г.

Выполнил студент

И-ИП 111

Курцева

Ксения Александровна

Научный руководитель:

канд. истор. наук, доцент

Мезенцев

Роман Викторович

(подпись)

Оценка _____

« ___ » _____ 2016 г.

Подпись _____

(Председатель ГАК)

Бийск – 2016

Содержание

Введение.....	3
Гл I: Положение Русской Православной Церкви накануне Великой Отечественной Войны.....	9
§1. Общее состояние Церкви.....	9
§2. Присоединение Прибалтики, Бессарабии, Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР, оживление религиозной жизни.....	17
Гл II: Московская Патриархия в 1941 — 1945 гг.....	39
§1. Патриотическая деятельность РПЦ в помощь фронту.....	39
§2 Изменения в религиозной политике Советского государства в 1941 - 1945 гг.....	47
Заключение.....	62
Список литературы.....	68

Введение

Актуальность исследования

На протяжении многих столетий своего существования Русская Православная Церковь всегда играла важную роль в формировании основ государственности, отечественной культуры, нравственности, национального самосознания, духовного облика русского человека вообще. В годы тяжелых испытаний, смут, нашествий врагов служение Церкви являли собой образ мужества, стойкости любви и преданности своему Отечеству. В этом плане не стал исключением и XX век.

Великая Отечественная Война, развязанная фашисткой Германией против СССР, явилась серьёзным испытанием для всего Советского народа. Православие клирики и мирян приняли самое деятельное участие в освобождении Родины от врага. Однако долгое время их вклад в дело победы оставался мало изучен. Сегодня исследователи, наконец-то, обратились к истории государственно-церковных отношений в период Великой отечественной Войны. Следовательно, изучение избранной темы отвечает, как научным, так и общественным запросам и позволяет устранить очередное «белое пятно» в Отечественной истории.

Объектом данного исследования является: религиозная жизнь в СССР в годы ВОВ.

Предметом исследования стали взаимоотношения Московской патриархии и Советского государства в интересующий нас период.

Учитывая актуальность проблемы и степень её изученности, нами определены цель и задачи исследования.

Цель исследования: рассмотреть взаимоотношения Русской Православной церкви и Советского государства в годы Великой отечественной войны.

Задачи исследования состоят в следующем:

1) исследовать общее состояние РПЦ накануне Великой Отечественной

войны;

2) рассмотреть некоторое смягчение религиозной политики со стороны Советского правительства в предвоенные годы;

3) проследить основные направления патриотической деятельности Московской патриархии в годы ВОВ;

4) выявить особенности Взаимоотношений РПЦ и Советского государства в 1941-1945гг.

Хронологический рамки: работы охватывает период 1941-1945гг., т. е. время продолжения Великой Отечественной войны.

Источниковая база исследования:

В основе исследования лежит круг источников, разных по своей ценности и характеру, опубликованных в сборниках и научных журналах.

Первые сборники документов Московской Патриархии вышли в годы Великой Отечественной войны и сразу после её окончания. К их числу относятся сборники: «Правда о религии в России» (1942г.), «Русская православная церковь и Великая Отечественная война (1943г.), «Патриарх Сергей и его духовное наследство» (1947г.). Здесь содержится послания иерархов, постановления Священного Синода, патриотическое воззвание, письма, телеграмма.

С 1991 г. в журналах, исторических альманахах начали публиковаться и подборки архивных документов по истории религиозной политики Советского государства 1941-1945гг. Несколько подобных публикаций подготовил Московский историк М.И Одинцов. Он использовал, как правило, материалы Государственного архива Российской Федерации, Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории и Архива Московской Патриархии. Документы ленинградской епархии в годы войны опубликовал петербургский историк, доктор исторических наук М.И. Шкаровский.

Практическая значимость

Определенный интерес данное дипломное исследование, на наш взгляд, может представлять для историков, философов, религиоведов, а также деятелей других отраслей науки и культуры.

Степень изученности темы

На сегодняшний день, как нам представляется, военный период жизни и деятельности РПЦ изучен достаточно слабо. Активная патриотическая деятельность Московской Патриархии в годы Великой Отечественной войны в советской историографии, как правило, замалчивалась. Например, в многочисленной литературе, посвященной обороне Ленинграда в 1941-1945 гг., полностью отсутствует даже упоминание о том, что в нём имелись действующие храмы. В объемном сборнике статей «Блокада день за днём» скрупулёзно перечисляются самые разнообразные, порой малозначительные события жизни осаждённого города, но в нём невозможно найти ни одного свидетельства религиозности ленинградцев. Даже в той части военно-документальной литературы, где в первых изданиях упоминалось имена священнослужителей, принимавших участие в партизанском движении, из последующих изданий их изъяли. Так в книге И. Шубитыдзе «Полесские были» 1969г выпуска они есть, а уже в издании 19743 года они отсутствуют¹.

Положение стало меняться только с середины 1980-х гг. Советский историк Н.С. Гордиенко в своей последней книге «Современное русское православие дал уже более взвешенную оценку духовенства паствы в военное время, хотя и отмалчивался от постулата, что война как массовое страдание и всенародное горе людей удалённого наслаждения религиозных чувств. Вопросы эволюции отношений Русской Церкви и советского государства специально и глубоко он, к сожалению, не рассматривал².

До конца 1980-х гг. работы священнослужителей и мирян Московской Патриархии по данной теме ограничивалась статьями в журнале «Московской

1 Шубитыдзе И. Полесские были. Минск, 1969 г.

2 Н.С. Гордиенко «Современное русское православие. М., 1987г.

Патриархии» и несколькими небольшими рукописями³. Затем стали появляться различные журнальные и газетные публикации⁴.

Специальных же изданий почти нет. Исключением является небольшая брошюра Ранп П.К., посвященная участию православного духовенства Белоруссии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Автор, сам партизан, после войны окончивший Духовную Академию, сообщает ценные, неизвестные ранее сведения. Так, в книге содержатся свидетельства, участников партизанского движения об активной помощи им митрополита Украинской автокефальной Церкви Александра (Иноземцева)⁵. В 1985г., к сорокалетию победы в Великой Отечественной Войне планировался издать сборник о патриотической деятельности Русской Церкви, но он так и не вышел. Небольшая часть из собранных для него материалов была опубликована в 1995г., в журнале «Наука и религия» в форме статей - «Священники на фронте» и «Партизанский акафист». Здесь их авторы говорят о том, что священнослужители зачастую, являлись единственным связующим звеном между местным населением и партизанами, что, например, только в Полесской епархии в годы оккупации число иереев уменьшалось на 55% в связи с расстрелами их фашистами за содействие партизанам⁶. Патриотическая позиция Московской Патриархии оказалась непонятной для многих зарубежных специалистов, ожидавших от неё проведения антисоветской линии или нейтрального отношения между Церковью и государством, предоставив для первой удобную возможность свести счеты с богоборческой властью. Однако не произошло. И вплоть до 1980-х гг., некоторые западные исследователи (А.А. Боголепов, Д. Константинов, В. Степанов), особенно из клира и миря зарубежной Русской Церкви, стремились объяснить произошедшее прежде всего страхом,

3 Шкаровский М.В. «Русская православная церковь при Сталине и Хрущёве». М., 1999. с.47.

4 Великую победу предопределила победа духовная// вятский епархиальный вестник. 1992. №5; Якунин Н.В.

5 Ранпа Г.К. «За веру и отечество: очерки». Л., 1990.

6 «Священники на фронте»// Наука и религия. 1995. №5; Партизанский акафист// Наука и религия. 1995. №5.

оставшихся на свободе архиереев во главе с Местоблюстителем митрополитом Сергием (Страгородским), перед новыми репрессиями⁷. Современные российские историки (В.А. Алексеев, М.И. Одинцов) при характеристике военного периода очень большое внимание уделяют предпосылкам и обстоятельствам встречи в Кремле 4 сентября 1943г. И.В. Сталина с руководством Московской Патриархии⁸.

В этом плане от их книг выгодно отличаются работы О.Ю. Васильевой, монография которой в значительной степени посвящена исследованию основных направлений и объективной оценки патриотической деятельности Русской Церкви, её вклад в общенародное дело достижения победы в Великой Отечественной войне.

Изучались в монографии боевой путь танковой колонны имени Дмитрия Донского, построенной на средствах верующих; деятельность совета по делам РПЦ, созданного в 1943 г.; история Православной Церкви в период оккупации на территории Северо — Запада России и отчасти Белоруссии⁹.

Другие публикации О.Ю. Васильева содержат новые интересные взгляды на Сталинскую религиозную политику. Она аргументировано доказывает объективную неизбежность изменения государственного курса в годы войны, но в то же время создает лишь видимость взаимопонимания между правительством и Патриархией, преимущественно показной характер многих акций. За ширмой благополучия в религиозном вопросе для И.В. Сталина было важным поставить церковь под жесткий контроль, одновременно сделать её послушно управляемой силой в своей политической игре¹⁰.

Истории Московской Патриархии в годы ВОВ посвящена заключительная глава в монографии А.Н. Кашеварава. Но в этой книге используется только опубликованные источники¹¹.

7 Скарковский М.В. Указ. Соч.с.48

8 Алексеев В.А. «Иллюзия и догмы». М., 1991; Одинцов М.И. «Путь длиною семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству».М., 1993.

9 Васильева О.Ю. Государство и деятельность Русской Православной Церкви в период Отечественной войны. М., 1990.

10 Русская Православная церковь в 1927-1943г.//Вопросы истории. 1994.№4.

11 Кашеваров А.Н. государство и церковь. Из истории взаимоотношений советской власти и Русской православной церкви. 1917-1945.М., 1992.

Интереснейшие трофейные материалы содержатся в центре хранения историко-документальных коллекций. Здесь, в частности, есть документы фонда Главного Управления Имперской безопасности Германии, позволяющие проследить многие аспекты религиозной жизни на оккупированной территории СССР. К сожалению, сведения, содержащиеся в них, пока использована лишь в двух небольших статьях - «Третий рейх и православная церковь», откровения бывшего офицера СС, доктора теологии и философии Карла Нейгауза¹².

12 Третий рейх и православная церковь//наука и религия. 1995.№5; Откровения бывшего штурмбанторюрера СС, доктора теологии и философии Карла

Глава I

Взаимоотношения Русской Православной Церкви и советского государства в 1941-1945 гг.

§1.

Общее состояние церкви

В конце 1938 г. период открытого, активного наступления на Церковь подходил к своему завершению; появились первые симптомы намечавшегося изменения прежней линии. Неудача планов искоренения религии была очевидна. После отстранения от руководства НКВД Н.И. Ежова в рамках общего пересмотра многих следственных дел были освобождены и сотни священнослужителей, в том числе несколько архиереев: архиепископ Иоанн (Соколов), епископ Иосиф (Чернов) и др. В закрытых циркулярах различных административных органов стали появляться указания проявлять сдержанность в ликвидации храмов.

Отчасти это было связано с постепенным общим изменением курса советского правительства с интернационально-коммунистического на национально-патриотический. Подобные перемены начались вскоре после прихода к власти в Германии фашистов, но в конце 1930-х гг., они значительно усилились. Так, в 1937г., ведущий советский исторический журнал «Историк-марксист» опубликовал статью о значении Крещения Руси. Автор её, известный историк С.В. Бахрушин, давал положительную оценку этому событию, открывшему для России современный мир европейской культуры через посредничество развитого государства, центра и науки и культуры того времени, каким была Византия. Даже журнал «Безбожник» в свете исполнения 950-летия одного из известнейших событий в истории России был вынужден пойти тем же путём и в номере 5 за 1938г. Выступил со статьёй Грекулова «Крещение Руси». С этих пор подобное отношение к христианизации Русского государства стала официальной советской доктрины. В 1938г., был поставлен знаменитый фильм С. Эйзенштейна

«Александр Невский», прославлявший святого князя, мощи которого в мае 1922г. Оказались вскрыты, а через 4 месяца изъяты из Троицкого собора Александро - Невской Лавры и переданы в антирелигиозный музей и т.д.¹³.

Но вплоть до осени 1939 г. серьёзных перемен всё же не произошло. Значительную активность проявлял «Союз воинствующих безбожников». Его руководитель Е. Ярославский, выступая в марте 1939г. На XVIII съезде ВКП(б), заявил: «Товарищ Молотов... был тысячу раз прав, когда указал при открытии съезда, что с точки зрения наших внутренних задач центр тяжести переносится теперь на вопросы воспитательные, на вопросы коммунистического характера, на задачу ликвидации столь живучих пережитков капитализма в сознании трудящихся. А если так, то можем ли мы в связи с этим ослабить или ликвидировать на ближайший период нашу работу по борьбе с таким живучим предрассудком, как религия, можем ли мы ослабить нашу пропаганду?». «Разумеется, нет»,- отвечал Ярославский и призывал ещё более активизировать борьбу с религией и церковниками «всех мастей».

По-прежнему в выступлениях председателя Центрального совета СВБ священники объявлялись врагами народа. К примеру, встречаясь в апреле 1939 г. с активом СВБ Москвы, он разъяснял: «Враги социализма действуют через религиозные организации. А в тех районах, где нет религиозных организаций, нет ни церкви, ни мечети, ни синагоги, нередко имеется переезжающий с места на место «бродячий поп-передвижка» или осели бывшие обитатели монастырей, орудуют развенчанные вожаки религиозных сект, бывшие церковные старосты и тому подобные бывшие люди».

Чтобы продолжить существование СВБ, Е.Ярославский направлял его на борьбу за «исправление партлинии по религиозному вопросу» с профсоюзами, работниками просвещения, прессы и особенно комсомолом.

В первом же номере журнала «Антирелигиозник», вышедшем после

завершения XVIII съезда ВКП(б), помимо публикаций решений последнего и речи на нём Е. Ярославского, были помещены два материала о недостатках антирелигиозной работе комсомола, прежде всего в Средней Азии.

Выступая через несколько месяцев со статьей в журнале «Большевик», член Центрального совета СВБ Ф. Олещук также указал на слабую работу комсомола в Средней Азии, обвинив в ней ЦК ВЛКСМ.

Эта статья подводила «теоретическую базу» под призывы об активизации борьбы на «безбожном фронте» уже в 1940-е гг. В ней утверждалось, что всякий, даже самый «советский поп-мракобес, реакционер, враг социализма», и поэтому задача третьей пятилетки состоит в том, чтобы «вытравить из сознания людей все эти пережитки... сделать всех трудящихся атеистами». И хотя признавалось, что в СССР ещё много верующих, Ф. Олещук даже поределал примерную дату «полного преодоления религиозных предрассудков» среди населения страны (1950-1955гг): «Вряд ли в третьей пятилетке удастся преодолеть все религиозные предрассудки. Для перегона в экономике капиталистических стран надо 10-15 лет, то и для полного преодоления религиозных пережитков вряд ли можно говорить о сроках более коротких¹⁴».

Можно было ожидать, что Е. Ярославский объявит о планах третьей «безбожной пятилетки». Ведь им уже заявлялось о необходимости воссоздания антирелигиозной организации из 5-6 миллионов членов, на IV расширенном пленуме Центрального совета СВБ в 1938г. Прозвучало его обещание: «Если мы усилим свою работу, то следующее десятилетие станет временем полного освобождения масс от реакционного влияния религии»¹⁵. Однако же без воздействия партийного руководства третья «безбожная пятилетка» так и не была провозглашена, не состоялся и планируемый III съезд СВБ.

14 Олещук Ф. Коммунистическое воспитание масс и преодоление религиозных предрассудков//Большевик, 1939, №9. С.38-48.

15 Религиозник, 138, №2. С.6.

IV пленум ЦС СВБ, почти сплошь состоявший из кооптированных членов, в 1938 году решил провести III съезд Союза Безбожников, но Ярославский и его «команда» побоялись настоять на этом перед Сталиным, который все меньше, судя по всему, видело для себя проку в деятельности этой организации». Союз безбожников переживал глубокий кризис, и только усилиями прессы искусственно создавалось впечатление о его кипучей жизнедеятельности.

Количество числившихся членами СВБ упало с 5670 тыс., в 1932г. до 2000 тыс. в 1938 г., вместо запланированных 22 млн. В реальности их было гораздо меньше, так как процент уплачивающих членские взносы понизились с 45 до 13¹⁶. Людям надоедал казенный, бюрократический стиль работы организации, своё формальное членство в ней, участие в бесконечных компаниях, «безбожных займов», сборах денег на «безбожные» подлодки, эскадрильи, танковые колонны и т. д. Сокращалось количество организаций СВБ, его издательская деятельность. Тираж ежемесячного иллюстрированного журнала «Безбожник» упал с 230 тыс., в 1938 г., до 155 тыс., на следующий год. Содержание ежемесячника «Антирелигиозник» становилось всё более примитивным и однообразным. На совещании в ЦС СВБ в апреле 1939г. признавалось, что резкого перелома к лучшему в работе союза не произошло. Ещё через полгода Центральный совет отмечал: «Большинство ячеек Союза воинствующих безбожников не ведут систематической антирелигиозной работы, являются пассивными, бездеятельными»¹⁷.

Не проявлял активности в борьбе с религией в конце 1930-х гг. и комсомол, тем более, что указания партийного руководства в этой сфере уже были противоречивы и непоследовательны. Не испытывал склонности к данному «участку работы» и новый руководитель комсомола Н.А. Михайлов,

16 Пospelовский Д.В. Русская православная Церковь в XX веке. с. 173.

17 Антирелигиозник. 1939, №5.с.54; Там же, №9.С.3.

тяготясь и опасаясь его. Неслучайно в 1938-1939 гг. ЦК ВЛКСМ не обсудил на заседаниях бюро и секретариата ни одного целевого вопроса по антирелигиозной работе среди детей и юношества. И даже в текстах таких постановлений пленумов ЦК, как «Об улучшении работы комсомола в деревне», «О работе организаций ВЛКСМ в связи с решениями XVIII съезда ВКП(б)», о работе комсомола по части активизации антирелигиозной работы вообще не было¹⁸.

Опыт 1930-х гг. показал, что даже в самых неблагоприятных для Церкви условиях, при полной монополии антирелигиозной печати, успехи воинского атеизма, несмотря на всемирную помощь со стороны правительства, оказались чрезвычайно скромными.

В то же время к 1939 г. Русская православная Церковь как организационная структура в результате жесточайших гонений и открытого террора была практически разгромлена. Из примерно 37 тыс. православных храмов всех течений, действовавших на начало 1930 г., в 1938 г. оставалось формально незакрытыми 8302. Однако реально из них действовала лишь небольшая часть, так как следствием массовых репрессий стала острая нехватка духовенства. Так, уже в 1936г на Украине из 4487 незакрытых молитвенных зданий действовало лишь 1116.

К сожалению, сохранившиеся в архивах учетные сведения, отражающие динамику сокращения численности религиозных объединений в конце 1930-х - начале 1940-х гг., отрывочны и приблизительны. Отсутствуют и данные о количестве православных приходов и священнослужителей в 1939г.

Известно лишь, что летом 1939 г. в Патриаршей Церкви осталось только четыре правящих архиерея — Патриарший Местоблюститель митрополит Московский Сергей (Страгородской), митрополит Ленинградский Алексей (Симанский), архиепископ Петергофский Николай (Ярушевич), управлявший Новгородской и Псковской епархиями, архиепископ Дмитровский Сергей

(Воскресенский), с 1937 г. занимавший должность управляющего делами Московской Патриархии. Каждый из них был по-своему выдающимся церковным деятелем, обладавшим большими организаторскими и дипломатическими способностями. Все они тот или иной период могли претендовать на вакантный пост Патриарха Русской Церкви. Ещё около 10 уцелевших архиереев Патриархии находились в покое или совершали богослужения как настоятели храмов. Так, епископ Астраханский Андрей (Комаров), уволенный в апреле 1939г. На покой, в октябре был назначен на место приходского священника в город Куйбышев. Вся церковная жизнь Куйбышевской епархии сосредоточена была тогда вокруг этой одной церкви.

Под Москвой на даче у родственников проживал как частное лицо будущий экзарх Украины архиепископ Иоанн (Соколов), отбывший незадолго перед этим ссылку. В Красноярске на положении ссыльного жил епископ Лука (Войно-Ясенецкий), работая главным хирургом — консультантом городских госпиталей. Под Ростовом-на-Дону жили в покое епископ Таганрогский Иосиф (Чернов) и архиепископ Ростовский Николай (Амасийский), в Киеве — схиархиепископ Дмитрий (Абашидзе) и т. д.¹⁹.

Епархий как административных единиц в 1939 г. уже почти не существовало, и отдельные приходы поддерживали нерегулярную связь с Патриархией. Незапрещенная официальная церковь по-своему фактическому положению стала приближаться к нелегальной организации, так как общение с «церковниками» считалось признаком политической неблагонадежности со всеми вытекающими последствиями.

Таким образом, Патриархия оказалась в значительной степени отрезанной от своей паствы и, кроме того, с середины 1930-х гг. почти полностью — от связей с заграницей. Однако она не была уничтожена полностью. Процесс над «Всесоюзным контрреволюционным центром церковников» во главе с митрополитом Сергием так и не состоялся. Хотя по

воспоминаниям близких к нему людей в конце 1930-х гг. владыка постоянно ожидал ареста.

Ряд зарубежных историков полагает, что существование катакомбных (тайных) приходов являлось одной из важных причин того, что Патриаршему Местоблюстителю удалось сохранить к 1939 г. несколько сот приходов и сокращенное до минимума церковное управление. «Советское правительство, очевидно, боялось, чтобы вся Церковь не ушла в подполье, так как официальная и строго контролируемая Церковь представляла меньшую опасность, чем подпольная»²⁰.

Интересным источником в этом плане являются найденный после второй мировой войны историком В.И. Алексеевым в архиве Еврейского института Нью-Йорке меморандум «Заметки о положении Православной Церкви в Остланде», написанный митрополитом Сергием (Воскресенским) 12 ноября 1941 г. в Риге для германского командования. Объясняя немцам положение Московской Патриархии и причины продолжения её существования, он говорил о решающей роли в этом деятельности катакомбного движения и её психологического давления на атеистическое государство: «Следует заметить, что насильственный роспуск общественно признанного руководства Патриархата вызвал бы только в жизнь тайное руководство Патриархатом, что значительно затруднило слежку за ним со стороны полиции. Вообще же существовала в России очень живая тайная религиозная жизнь. Если бы захотели также уничтожить и тайное руководство Патриархатом, то должны были казнить и всех епископов, среди них и тайных, которые в такой нужде были созданы один за другим. И если мы посчитаем невероятным, что когда-то все же удастся уничтожить церковную иерархию, то религия все же остается здесь, а атеистическая пропаганда не сделала ни шагу вперед. Советское правительство поняло это и поэтому предпочло, чтобы

руководство Патриархатом существовало»²¹.

Действительно, в 1930-е гг. тайные богослужения широко распространились. Их совершали сотни священников, уклонившихся от ареста или освобожденных, а затем скрывших свое прошлое. Большая часть этих «полукатакомбников» не была принципиальным противником Патриаршего Местоблюстителя и никогда не порывала ими. Они ушли в подполье только потому, что открытое совершение религиозных обрядов на территории очень многих областей и республик оказалось невозможным. Признавая митрополита Сергия законным временным главой Русской Церкви, эти священники после 1943 года, когда подобное стало возможным, восстановили с ним каноническую связь и литургическое общение.²²

Деятельность катакомбников, несомненно, вызывала тревогу властей. Уже в 1937 году в партийной прессе отмечалось влияние «невидных руководителей» на рядовую массу верующих и даже на советский и колхозный актив вплоть до комсомольцев и членов ВКП(б). А через два с половиной года прямо признавалось, что закрытие церквей ведёт к увеличению нелегальных религиозных организаций. Но сохранение высокой религиозности населения СССР, распространение тайных богослужений было только одной из целого ряда внутренних и международных причин намечавшегося в 1939 году свертывания антицерковных акций. Массовое насильственное закрытие храмов явно усиливало недовольство широких слоев населения, в том числе рабочих. Среди множества обращений верующих в различные органы власти конца 1930-х гг. с просьбами и требованиями о сохранении церквей, хранящихся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга, имеется, например, коллективное послание 1938 г. рабочих Выборгского района Ленинграда.

Это становилось опасным не только в политическом, но и в

21 Алексеев В., Ставру Ф. Русская православная церковь на оккупированной немцами территории// Русское Возрождение, 1994, №12.с.116-117.

22 Хохлов А.В Возрождение религиозной жизни и эволюция государственно — церковных отношений в годы великой отечественной войны// Религия. Атеизм. 2008.№62

экономическом отношении, связываясь на эффективности труда: усиливался бессознательный, а порой и сознательный саботаж.

§2

Присоединение Прибалтики, Бессарабии, Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР, оживление религиозной жизни

Важную роль начинала играть надвигавшаяся вторая мировая война. Советское руководство было заинтересовано теперь в укреплении единства нации, а не в разделяющих нападках марксистского пуризма и атеизма. Переломным моментом в этом плане стали события сентября 1939 г. - вступление советских войск на территорию Польши и присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР. Правительство оказалось перед фактом включения в государственную жизнь страны областей с нетронутой гонениями религиозной жизнью. В состав населения СССР осенью 1939 г. и летом 1940 г. свыше 7500 тыс. православных верующих, организованных в епархии и приходы. Вновь в стране после длительного перерыва появились действующие монастыри, церковные и монастырские земельные угодья, духовные учебные заведения, благотворительные учреждения, церковные библиотеки, редакции религиозных газет, журналов и т. д. Точно известно число православных монастырей на присоединенных землях — с 64 с 5100 насельниками, в том числе и в Бессарабии — 25, в Западной Украине — 19, Белоруссии — 14, Латвии — 1, Литве — 3, Эстонии - 2. Численность же приходов установить сложнее. В архивных документах имеются сведения об их количестве в Западной Белоруссии — 749, Бессарабии — 893, Латвии — 164, Эстонии — 164, Литве — 72, однако относительно Западной Украины и Северной Буковины они отсутствуют. Известно лишь, что общее число формально зарегистрированных православных приходов на Украине на конец 1938 — середину 1940 гг.

выросло с 3903 до 5181, то есть на 1278²³. Переставшие функционировать религиозные общества в данной республике в тот период с регистрации почти не снимали, и цифра примерно в 1300 новых украинских приходов представляется более наиболее верной. В работах западных историков можно встретить явно ошибочное утверждение, что на присоединенной территории Польши находилось около 1200 православных церквей. Тот же В.И. Алексеев в другом месте своей книги пишет, что на Волыни (Западная Украина) в годы войны действовало свыше 600 храмов только Автономной Украинской Церкви. Впрочем, он занижает и численность православных приходов на других присоединенных землях, например, в Прибалтике — до 300. Таким образом, общее количество действующих православных церквей в СССР увеличилось за счет территориальных приобретений на 3350.

Особо следует отметить большое количество богословских учебных заведений. В Эстонии имелась духовная семинария в Печорах и православный богословский факультет в Дептрском университете, в Латвии — Духовная Семинария в Риге и православная секция при протестантском факультете Рижского университета. В Бессарабии была Духовная семинария в Кишиневе, а в Северной Буховине Духовная семинария в Черновцах. Наконец, на бывшей польской территории существовали две Духовные семинарии — Кременецкая и Виленская, а так же две постоянные школы псаломщиков. Одна находилась при Богоявленском монастыре в Кременце, а вторая — при Свято-Онуфриенском монастыре в Жировицах и их судьбе школьная реформа не угрожала. Кроме того, в несколько раз выросло число правящих православных архиереев в СССР, только в республиках Прибалтики их было восемь: Митрополит Эстонский и Таллинский Александр (Паулус), епископ Нарвский Павел (Дмитриевский), епископ Печерский Николай (Лейсман), заштатный, не признавший автономии Эстонской церкви, бывший Печерский епископ Иоанн (Булин), митрополит Рижский и Латвийский

Августин (Петерсон), архиепископ Елгавский Иаков (Карп), епископ Якобштадтский (Ерсикский), Александр (Витол), митрополит Ковенский и Литовский Елевфрий (Богоявленский). Семь архиреев имелось в бывших польских восточных областях: архиепископ Виленский и Литовский Феодосии, архиепископ Полесский и Пинский Александр, архиепископ Волынский и Кременецкий Алексей, епископ Острожский Симон, епископ Камень — Каширский Антоний, епископ Луцкий Поликарп и бывший епископ Пинский и Новогрудский Пантелеймон, за непризнание автокефалии Польской Православной Церкви, находившийся в заточении в Жировицком монастыре.

Перед советским руководством встал острый вопрос определения своей религиозной политики на новых территориях. Решение его проходило в свете необходимости ассимилировать и политически нейтрализовать миллионы новых, в основном православных граждан. Правительство сознавало, что этого невозможно достигнуть открытой антицерковной кампанией. Обычно советские пограничные зоны контролировались особенно тщательно — церкви там закрывались полностью. Но ликвидировать тысячи приходов и десятки монастырей западных областей было нереально. От обычной политики пришлось отказаться. Рискованно для советской власти было массовое недовольство населения гонениями на церковь, когда германская армия стояла у границы. Кроме того, был учтен и благоприятный для СССР факт дискриминации польскими властями Православной Церкви. Перед самым началом второй мировой войны они закрыли сотни храмов на том основании, что царское правительство в XIX веке возвратило их из унии в Православие. Так, в Холмщине из 393 православных храмов в 1914 г. к 1938 г. осталось 227, а к сентябрю 1939 г. - 53, причем 140 церквей и 2 монастыря были разрушены. Естественно, что подобные акции вызвали сильное недовольство и создали почву для роста симпатии к СССР. Этим во многом объясняются нередкие случаи, когда православные священники в сентябре

1939г. Организовывали праздничные встречи с населением частей советской армии и вывешивали красные флаги на колокольнях. В подобных условиях правительству СССР было особенно трудно начать сразу массовые гонения на Церковь и ликвидировать ещё не закрытые поляками храмы.

Документы конца 1939г. Свидетельствуют о признании советским руководством факта гораздо более сильного влияния Церкви в западных областях, чем на остальной территории СССР, и его намерения проводить более осмотрительную религиозную политику. Она заключалась в использовании хорошо контролируемой Московской Патриархии — подчинении ей православных иерархов и приходов. При этом учитывались национальные чувства западных украинцев и белорусов, воссоединившихся с восточными; русских, живших в Прибалтике; православных молдован, эстонцев, латышей и карелов, близких к русским по своей культуре. Подобная практика стала первым примером использования Московской Патриархии для распространения советского влияния на вновь приобретенные или попавшие под контроль территории. Он оказался успешным и получил широкое распространение после окончания второй мировой войны.

Считаясь с новыми массами православного населения и нуждаясь в деятельности Московской Патриархии, советское государство в конце 1939-1940 гг. стало создавать видимость религиозной терпимости в стране, значительно уменьшив масштабы антицерковных акций. Как справедливо отмечал историк У.Флетчер: «Сергий впервые с тех пор, как он возглавил церковь, оказался в таком положении, что мог требовать уступок от правительства»²⁴. В течении 1939г. Менялся тон публикаций в партийной прессе. Так, Ф. Олещук, который в 1938 г., «докладывал» о разоблачениях и высказывался о духовенстве и верующих, как о врагах, теперь писал: «Только незначительное меньшинство в рядах религиозных организаций составляют классово — враждебные элементы... большинство верующих — это наши

люди, отсталые рабочие и крестьяне». Он же обвинял в закрытии церквей «врагов народа» - левых уклонистов, якобы стремившихся озлобить верующих и создавших «своеобразный рецидив контрреволюционного троцкизма»²⁵. А в апреле 1940 г. Ф. Олещук со страниц главного идеологического печатного органа ВКП (Б) осуждал разворачивавшуюся антирелигиозную деятельность в западных областях за чрезмерную агрессивность, советуя не организовывать пока в них ячейки СВБ, и говорил о необходимости прекратить ликвидацию храмов, которая ведёт к образованию «церковного подполья».

Почти в то же время и журнал «Антирелигиозник» определил «внешне эффективную деятельность по закрытию церквей» как вредную шумиху²⁶. Процесс закрытия остановить сразу было невозможно, но такая тенденция наметилась. Как уступка сохранившим религиозную традицию западным украинцам и белорусам была воспринята в стране отмена в 1940 г в СССР пятидневной рабочей недели и восстановление воскресного отдыха. Существенно изменилось положение Московской Патриархии. Теперь угроза ее ликвидации была полностью снята; более того, хотя и крайне осторожно, убирались некоторые запреты. Патриарший местоблюститель вновь стал совершать архиерейские хиротонии, замещались пустующие кафедры и т. д.

Весной 1940 г. Патриархия приступила к «устройству церковных дел» во вновь присоединенных областях. Ей предстояло передать местным священнослужителям свой богатый опыт церковной деятельности в условиях атеистического государства. Важной поставленной правительством задачи подчеркивает тот факт, что в западные области были посланы двое из четверых уцелевших правящих архиереев — архиепископы Николай (Ярушевич) и Сергей (Воскресенский), причем владыка Николай согласился только под сильнейшим давлением. Его назначили временным экзархом

25 Олещук Ф. Коммунистическое воспитание масс и преодоление религиозных предрассудков. с.48.

26 Теляковский Е. Церковь в настоящее время // Антирелигиозник, 1940, № 2. с. 25.

Западной Украины и Белоруссии. Владыка же Сергей в январе 1941 г. стал митрополитом Литовским и Виленским, а в марте экзархом Латвии и Эстонии. Кроме того, на Кишинёвскую кафедру был назначен епископ Алексей (Сергеев). Несмотря на наличие 15 местных архиереев в Москве, провели хиротонии 4 новых епископов для западных областей. В важнейший монастырь — Свято-Успенскую Почаевскую Лавру на Волыни из РСФСР прислали в качестве наместника архимандрита Панкратия и архимандрита Нектария — его помощником.

Уже весной 1941 г. состоялись хиротонии во епископа Черновицкого Дамаскина (Малюты) и во епископа Пинского Вениамина (Новицкого).

Действовать всем им пришлось в сложных условиях. Местное население первоначально считало архиереев из Москвы чуть ли не «агентами ЧК». Кроме того, несмотря на осторожную политику, в присоединенных областях намечалось все же постепенное приведение религиозной жизни в соответствии с советским законодательством. Соответственно на бывшей польской территории уже 29 октября 1939 г. было объявлено о национализации церковной собственности. Были закрыты все духовные учебные заведения, в школах прекратили преподавание Закона Божия, духовенство обложили высокими налогами, ликвидировались религиозные партии и церковные общественные объединения, закрывались церковные типографии, часть монастырей и отдельные храмы. Был даже случай взрыва собора в Пински. Во многих обитателях сокращали число монашествующих. Так, в Почаевской Лавре оно уменьшилось с 300 до 800.

Хотя воссоединение духовенства западных областей с Московской Патриархией проходило в подавляющем большинстве случаев добровольно, и здесь не обошлось без административного вмешательства советских властей. Тех священнослужителей, которые пытались отстаивать принципы автокефалии (самостоятельное управление), депортировали в Сибирь. Всего по данным, проводимым В.И. Алексеевым и Ф. Ставру, до 22 июня 1941 г. на бывшей

польской территории было арестовано 53 священника, 10 из них позднее освободились, 37 пропали и 6 умерли или были расстреляны. Из 14 архиереев практически все согласились в переходом в Московскую Патриархию, большинство ездило для воссоединения в столицу. Однако архиепископ Алексей (Громадский) и епископ Иоанн (Булин) все же подвергались арестам, а архиепископ Александр (Иноземцев) был вынужден уйти на покой. В качестве оправдания этих или иных подобных мер в печати заявлялось, что среди духовенства и церковного актива особенно много тех, кто борется с советской властью и выступает за возвращение старых порядков.

Переход священнослужителей в Московскую Патриархию облегчался тем, что Польская Православная Церковь отделилась от русской в 1923 г. в значительной степени под давлением польского правительства. Автокефалия ей был дарована Вселенским (Константинопольским) Патриархом и никогда не признавалась Московской Патриархии. Глава Польской Церкви митрополит Дионисий (Валединский), хотя и русский по происхождению, оказавшись под давлением правительства и украинских националистов, поддерживал как колонизацию русских и белорусских приходов, так и украинизацию украинских. Это вызвало недовольство многих священников и части архиереев. В 1939 г. митрополит Дионисий остался на территории, отошедшие к Германии и влиять на церковную жизнь в бывших восточных областях Польши уже не мог.

Более сложной была ситуация в республиках Прибалтики, на территории которых проживало 450 тыс. православных. Здесь только Литва, где православными были русские и белорусские меньшинства, оставалось к 1939 г. в юрисдикции Московской Патриархии. В 1924 -1940 гг. Литовской Церковью бессменно управлял бывший Виленский архиепископ, а с 1928 г. митрополит Елевферий (Богоявленский). С 1931 г. ему было поручено возглавлять все православные приходы в Западной Европе, остававшиеся в юрисдикции Московской Патриархии. Эстонская же Православная Церковь в

1923 г., а Латвийская в 1936 г. провозгласили автономию под юрисдикцией Константинопольского Патриарха. Так как это было сделано без канонического отпуска из Московской Патриархии, последняя никогда не признавала законность данного акта. Причиной его являлось не только бедственное положение Русской Церкви в СССР, решающую роль здесь сыграло стремление получивших независимость государств предельно оградиться от какого бы то ни было российского влияния. Упорное сопротивление русского духовенства в Эстонии удалось сломить в 1920-е гг., а в Латвии только во второй половине 1930-х гг.

Так, например, оказалась закрыта влиятельная организация «Единение русских православных студентов Латвии».

В июле 1940г. Республики Прибалтики вошли в состав СССР, и уже в августе Синод, а затем и глава Латвийской Православной Церкви митрополит Вгустин (Петерсон) под давлением верующих и оппозиционного духовенства ходатайствовали перед Московской Патриархией о воссоединении с Русской Церковью. В том же месяце с подобным ходатайством обратился и глава Эстонской Церкви митрополит Александр (Паулус). После получения разрешения советских властей в конце 1940 г. в Прибалтику в качестве полномочного представителя Московской Патриархии и целью обсудить условия воссоединения выехал архиепископ Сергей (Воскресенский). Первоначально главой православных приходов Латвии и Эстонии был назначен митрополит Елевферий, но 1 января 1941 г. он скончался, и новым митрополитом Литовским, а затем и экзархом Прибалтики стал Сергей.

Указом Московской Патриархии от 24 марта 1941 г. был учрежден экзархат, то есть особая митрополичья область, в состав которой входили Латвийская и Эстонская епископии. Никто из архиереев не лишался сана. Распускались Синоды в Латвии и Эстонии и Епископское управление в Литве. Вместо них митрополит Сергей должен был создать в соответствующих викарных епископствах управления экзархата, а также

периодически созываемый Синод епископов, которые по отношению к нему имели только совещательные права. Таким образом посланец Москвы становился руководителем, совершенно независимым от местного духовенства. 28 марта митрополиты Августин и Александр в кафедральном соборе Москвы исполнили процедуру публичного покаяния в грехе раскола, клятвенно обещали хранить в дальнейшем постоянную верность Русской Церкви и были приняты в литургическое общение. Согласно достигнутому компромиссу — в Эстонии митрополит Александр должен был на правах викария непосредственно окормлять эстонские общины, а епископ Нарвский Павел — русские, а Латвии русские — сам митрополит Сергей, а латышские — митрополит Августин и епископ Ерсикский Александр. Поселившийся в Риге митрополит Сергей перед этим в течении почти 4 лет фактически являлся «вторым человеком» в Московской Патриархии, был лично близок Патриаршему Местоблюстителю и сразу повел себя решительно и властно. Согласно воспоминаниям прибалтийского духовенства: «Чувствовалось, что приехал не представитель гонимой большевиками Церкви, а полномочный представитель Москвы, облеченный большой властью».

В частности, их поражало, как легко владыка добивался прямой телефонной связи с различными организациями в столице СССР. Экзарх начал прежде всего с «подтягивания» духовенства в уставном отношении: запретил сокращать богослужения, отпевать протестантов по православному чину и т. д., затем стал проводить административные преобразования.

Секретари его также приехали из Москвы, однако духовникам своим митрополит взял настоятеля Рижского собора протоиерея Василия Евстафьева. В Прибалтике советского власти действовали ещё более осторожно, чем на бывших польских территориях, и приведения религиозной жизни в соответствии с законами СССР, в том числе и национализации церковной собственности, там фактически не произошло. Почти полностью избежало прибалтийское духовенство до начала войны и арестов, депортаций.

Но несмотря на всю появившуюся «осторожность» в политике по отношению к Церкви и в 1939-1941 гг. по-прежнему приоритетной задачей в ней считалось строительство безрелигиозного общества. В этой связи все большую озабоченность властей начинала вызывать активизация церковной жизни в СССР, отчасти под влиянием примера новых западных областей. Интересные факты приводятся в докладной записке начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову из ЦК КП(б) Белоруссии - «Сообщении о фактах деятельности церковников в западных областях БССР от 27 февраля 1941 г. В ней говорится, что после поездки в апреле 1940 г., в Жировицкий монастырь архиепископа Сергия (Воскресенского) «деятельность церковников» заметно усилилась. В обители разместились вновь созданные консистория и Гродненский епархиальный совет. Возглавил их епископ Пантелеймон (Рожновский), оставшийся верным Московской Патриархии все 1920-1930-е гг. За 1940г. В монастыре было организовано 4 крестных хода с большим количеством верующих, многие из которых приезжали из различных городов Белоруссии. В докладной сообщалось так же о том, что в Пинской области местные власти пытались запретить колокольный звон, но им это не удалось. Приводились примеры «случаев администрирования и оскорбления религиозных чувств верующих», например, явного завышения налогов для священников. По тону записки чувствовалось, что белорусское партийное руководство очень обеспокоено и недовольно «мягкой» церковной политикой.²⁷

На присоединенных территориях оказалось большое количество советских военнослужащих, членов их семей, и многие из них активно включились в религиозную жизнь. В.И. Алесеев и Ф. Ставру проводят в своей работе свидетельство бывшего настоятеля собора в Западной Украине, который отмечал, что после появления советских граждан число крещений значительно выросло — с сентября 1939 г по январь 1940гг. На 30%, а за 1940

27 Якунин В. Н. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны // Московский журнал. История государства Российского. 1995. № 1. С. 24-26.

г. втрое.

Даже коммунисты и работники НКВД крестили своих детей, иногда родственники военных специально для этой цели привозили мальчиков и девочек из РСФСР. На службах и храме всегда присутствовало много советских офицеров и солдат, причем одного из них, наиболее активно и регулярно посещавшего богослужения, арестовали прямо у дверей собора.

Как только пик репрессий спал, активизировалась деятельность церкви и на остальной территории СССР. Террор 1937-1938 гг. породил у значительной части граждан СССР страх перед неясным будущим, за близких, за свою судьбу и лишь усилил религиозные настроения.

Яркая картина, воспроизводящая эти настроения в предвоенном Ленинграде, нарисована в воспоминаниях эмигрантки Натальи Китер: «В воскресенье и праздничные дни эти храмы были так переполнены, что не могли вместить всех притекавших... В эти дни причащались почти все поголовно. В Пасхальную Ночь 1941 г. тысячные толпы народа стояли плечо к плечу вокруг храмов, с горящими свечами в руках и единодушно пели пасхальные песнопения, не обращая внимания на беснование конной милиции, тщетно пытающейся их разогнать, так как все уличное движение вокруг храмов было нарушено. Эти сведения подтверждают материалы Центрального государственного архива историко - политической документации Санкт — Петербурга о праздновании Пасхи 1941 г. в Ленинграде.

Постепенно ЦК ВКП (б) стало скапливаться все больше докладных о тревожной ситуации на «церковном фронте». Так, 18 июня 1941г. Уполномоченный Комиссии партийного контроля (КПК) по Орджоникидзевскому краю в письме « Об антирелигиозной пропаганде..» сообщал председателю комиссии А.А. Андрееву, что этот участок работы является одним из наиболее отсталых и запущенных, в 21 районе оргбюро и советы «Союза воинствующих безбожников» полностью распались. В крае же

активно функционируют 14 храмов и «остатки разгромленных контрреволюционных церковных элементов в глубоком подполье», причем и «вокруг действующих церквей и молитвенных домов группируются контрреволюционные элементы из церковников и белогвардейцев ведут свою работу». В нескольких районах в пасхальные дни не работало до половины колхозников, в Новоселийском районе крестили своих детей даже «видные коммунисты»: заведующий военным отделом и инструктор райкома ВКП(б), заведующий райздравотделом и т. д. Многие верующие в СССР «не питали любви» к советской власти, и в докладной приводится несколько резких публичных высказываний «церковников»²⁸.

Так житель города Ворошиловска Александр в январе 1941 г. говорил: «Все законы и постановления, издаваемые советским правительством не во благо своего народа, а в защиту и укрепления низменных интересов кучки эксплуататоров, заседающих в Кремле, которые думают только о себе, остальной народ давят, порабощают, и в результате весь народ закрепостили хуже, чем в средневековье...». А другой верующий Иван 7 апреля 1941 г. заявил: «Пусть они даже и не мечтают провести свою коммуны. Им это сделать не удастся, им придется без оглядки бежать. Они народу настолько насолили, что их будут бить везде и всякий их не пощадит... и эта расправа с угнетателями осуществится в этом году». Уполномоченный КПК подчеркивал утрату эффективности административных мер.

Так, в 1940 г. провалились попытки путем угроз, арестов и насилия закрыть храмы в городах Ессентуки и Черкесске, прихожане отстояли их. В результате делался вывод: «Отрицательно влияют одни административные меры против действующих церквей, они толкают верующих в лапы контрреволюционных церковников, которые организуют подпольные молитвенные дома и используют эти слои к сколачиванию контрреволюционных группировок».

Письмо было переслано секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову с сопроводительной записью председателя КПК: «Подобные сообщения поступают и от других уполномоченных о возрастающей активности церковников».

Реакция на такие «сигналы» последовала быстро. Уже в 1940г. Государственная религиозная политика вновь начинает постепенно ужесточаться. Весной на страницах антирелигиозной прессы опять появились критические материалы о бездеятельности комсомола на «безбожном фронте», и 15 июля было принято с религиозностью: «О состоянии антирелигиозной пропаганды в Бухарской комсомольской организации». Оно оказалось «сконструированным» в духе документов СВБ: прямолинейным, ультимативно - приказным, «ругательным»²⁹.

27 Февраля 1940 г. Наркомпрос РСФСР издал приказ о постановке антирелигиозной пропаганды в школе, а с 1941/42 учебного года в высших учебных заведениях СССР предполагалось ввести преподавание курса по истории религии и атеизма в объеме 60 часов.

Предпринимались активные попытки и оживить деятельность «Союза воинствующих безбожников». К 1941 г. официальная численность его членов вновь выросла — до 3,5 млн. Тираж антирелигиозных изданий в 1940г. Достиг 140 млн. экземпляров, а в течение первого полугодия 1941 г. издавалось 10 атеистических газет и 23 журнала. Однако этот рост носил в основном формальный, показной характер. Хотя в 1940 г. было проведено 239000 антирелигиозных лекций для аудитории в 11 млн. человек, это составляло среднюю посещаемость всего 50 человек на лекцию.

Мало результатов принесло стремление перенести деятельность СВБ в новые районы СССР.

В докладной записке ЦК КП(б) Белоруссии «О мерах по укреплению антирелигиозной работы в западных областях Белоруссии» от 26 февраля

1941 г. сообщалось, что проверка ЦК этой работы в конце 1940 г. выявила ее слабость и многочисленные серьезные недостатки. Деятельность СВБ в основном заключалась в лекциях и докладах, причем за год оказалось прочитано всего 526 лекций. 10 февраля 1941 г. Бюро ЦК КП(б) было вынуждено принять специальное решение об организации систематической антирелигиозной пропаганды и агитации в западных областях республики, началась подготовка выпуска к лету атеистического учебника (тиражом всего 5000 экземпляров).

Очень показательным для характеристики двойственности политики советского государства по отношению к Церкви и положения СВБ в тот период является последнее предвоенное программное выступление Е.Ярославского на всесоюзном совещании работников антирелигиозных музеев 28 марта 1941 г. С одной стороны, председатель ЦС СВБ предостерег против тенденции «упростителей антирелигиозной пропаганды» осуждать всех верующих как «слепых невежд и полных идиотов».

Среди них много совершенно лояльных советских граждан». Он призвал к терпению и предложил дифференцированный подход, в зависимости от ареала или региона, указав, что в новых советских республиках, где религия все еще сильна, не следует прибегать к грубой оскорбительности. Говоря о достижениях атеистической работы в новых западных регионах, Ярославский, однако, привел только одну цифру: 75 посетителей нового курса антирелигиозных пропагандистов в Эстонии.

Он сообщил также характерную статистику в целом по СССР: СВБ провел 484 антирелигиозных мероприятия в 1939г. И 622 — в 1940г., но общее число слушателей упало с 12622 до 10968, то есть составило менее 17 человек на каждом мероприятии; аналогично численность кружков СВБ увеличивалось с 5089 до 9698, а число участников уменьшилось с 82536 до 71982 — около 7 человек в кружке; количество семинаров выросло с 4824 до 5068, но в их работе участвовало не 77231, а 77011 человек, несмотря на

включение новых западных территорий. Призвав к умеренности, Ярославский в то же время, упомянув о том, что отмечаются лишь немногочисленные попытки вновь открыть церкви, не говоря уже о строительстве новых храмов, представил эти факты как свидетельство полного упадка религии в СССР. «Охотников, - резюмировал он, - обращаться с такими ходатайствами с каждым днем становится все меньше и меньше.

А там, где такие ходатайства поступают, то потому, что инициаторами их являются — кулаки, служители культа и бывший церковный актив, единоличники».

В итоге руководитель СВБ призвал усилить «борьбу за окончательное преодоление религиозных предрассудков, так как «социализм не мирится ни с какой верой в сверхъестественное, ни с какой религией»³⁰.

Постепенно вновь усиливаются репрессии в отношении священнослужителей. По подсчетам ученых свято — Тихоновского Богословского института и материалам комиссии Московской Патриархии по реабилитации, если в 1939г. Произошло резкое падение этих репрессий, то в 1940 г. начинается их очередной подъем, прерванный лишь нападением Германии на СССР. В прессе появляются обвинения священников в шпионаже, например, статья «Религия на службе японского империализма» в журнале «Под знаменем Марксизма»³¹.

В изданной весной 1941 г. ЦССВБ книге «Вторая империалистическая война и церковь» в полном противоречии с логикой утверждалось: «Укрепление обороноспособности страны предполагает и развернутую борьбу с пережитками капитализма в сознании людей и, в частности, с религиозными пережитками.

Религиозные проповеди в церквях, сектантская пропаганда, религиозные праздники отвлекают трудящихся от активного участия в общественно -

30 Шейнман М. Религия на службе японского империализма// Под знаменем марксизма, 1991, №2.с.180-188.

31 Вторая империалистическая война и церковь (материалы и лекции), М.: ЦС, 1941, с.25.

политической жизни, в оборонной работе... Религиозные организации сплошь и рядом являются пристанищем для всякого контрреволюционного сброда, шпионов, диверсантов...». Даже в июне 1941 г., за несколько дней до начала войны в статье «Патриотизм и религии» столь же бездоказательно утверждалось: «Религия является злейшим врагом советского патриотизма... История не подтверждает заслуг церкви в деле развития подлинного патриотизма». Такая установка официальной пропаганды мало способствовала укреплению сплоченности населения перед Великой Отечественной Войной.

Колебания правительственного курса остро воспринимались руководством Московской Патриархии. Патриарший местоблюститель митрополит Сергей постоянно пребывал в атмосфере внутренней напряженности, подвергаясь повседневной слежке. О встрече с ним в Москве осенью 1939 г. рассказывал епископ Пантелеймон. Отправляясь осматривать московские церкви, Местоблюститель прошептал на ухо епископу: «Владыко, помолитесь прежде, не я вас везу храмы осматривать, а нас везут... Куда нас везут, сам не знаю...». Епископ Пантелеймон, прибывший на эту встречу из Западной Белоруссии, был потрясен. В 1940г. Руководству Патриархии казалось, что обстановка изменилась к лучшему. Но уже весной 1941 г. у митрополита Сергея вновь стали преобладать пессимистические оценки положения Церкви. Так, в мае, он сказал заехавшему к нему по дороге из ссылки Василию Виноградову: «Раньше нас душили, но, по крайней мере, исполняли свои обещания. Теперь нас продолжают душить, но обещаний своих больше не исполняют».

Сильнейший кризис в это время переживало обновленчество. Ещё в начале 1938 г. насчитывалось 49 правящих обновленческих архиереев и 11 пребывавших на покое, но через год в результате репрессий их осталось лишь треть, а затем ещё меньше. Ускоренными темпами закрывались церкви.

Так, к 1939 г. в обширной Ленинградской епархии осталось лишь 3

действующих обновленческих храма. Тяжелейший удар был нанесен обновленчеству одним из его основных руководителей митрополитом Ленинградским Николаем (Платоновым). В январе 1938 г. он публично заявил в газете «Известия» о снятии сана, отречения от Бога, церковного общества и стал работать сотрудником Музея истории религии. Видимо, желая в обстановке террора спасти свои жизни, от сана отрекались ещё несколько обновленческих первоиерарх в ответ на это, по сути, промолчал, но лишь уволил Платонова с должности. На освободившееся место Ленинградского владыки митрополит Виталий (Введенский) не назначил преемника, а поручил заведование дел епархии протопресвитеру Алексею Абакумову.

В 1939 г. обновленческий первоиерарх вообще запретил епархиальным архиереям посещение своих приходских храмов, а также всякие рукоположения священников. Правда, «митрополит» Александр (Введенский) игнорировал это распоряжение, считая его посягательством на архиерейские prerogatives, и продолжал рукополагать клириков. Это были так называемые священники-любители. Их рукополагали без назначения на приход, они работали в гражданских организациях, а когда надо было составить Введенскому «богослужебный антураж», сослужили ему. С 1939 г. «митрополит» Виталий и на пустовавшие кафедры, несмотря на неоднократные просьбы, никого не назначал. По сути, под давлением властей первоиерарх вел дело к ликвидации обновленческой церкви, и она постепенно умирала. Прекратились все связи с Православным Востоком, к 1941 г. от обновленцев осталась лишь горстка архиереев при 1-3 храмах в епархиях. Исключение составляли лишь Московская и Средне - Азиатская, а также Северо-Кавказская и Кубанская епархии.

Правительство не было заинтересовано в успехе обновленцев в новых западных областях, так как там представители этого течения полностью отсутствовали. Поэтому некоторое оживление деятельности руководства обновленческой группировки наступило гораздо позднее, чем в Патриаршей

Церкви, уже перед самой войной. В апреле 1941 г. опять было создано Высшее церковное управление из митрополита Виталия и его заместителя митрополита Александра. Последний вновь начинает поездки по городам, производит ревизию церковной жизни. Так, 24 мая 1941 г. он проезжал в Ленинград, затем в Калинин. Но все это оживление носило крайне ограниченный характер.

В ещё более тяжелом положении оказалось григорианство. В 1937 году в обстановке террора фактически перестали существовать все их епархии — в Западной Сибири, Среднем Поволжье, в Ростовской области и на Урале. К этому времени основные руководители движения — митрополиты Григорий (Яцковский), Виссарион (Зорин), Борис (Рукин), Петр (Холмогорцев) умерли или были арестованы и погибли. Из 27 архиереев григорианского епископата, служивших в 1932г., через 7 лет, к 1940 г. остались лишь 4 малоизвестных епископа, управлявших несколькими приходами³². Почти полностью ушло в подполье иосифлянское движение. В конце 1930-х гг. существовало только 2 их официально действовавших храма — в Ленинграде и Московской области, причем последний был закрыт перед самой войной - весной 1941 г.

Процесс ликвидации храмов Православной Церкви в 1940 — первой половине 1941 г. продолжался ещё летом 1940 г. В СССР на учете состояло 8296 православных обществ, то есть почти 5000 на старых территориях. Однако затем менее чем через год тысячи не функционировавших храмов были сняты с регистрации.

Так, в заявлении в Леноблисполком из дирекции Музея истории религии от 16 июня 1940г. Указывалось: «В Ленинградской области по требованию трудящихся закрывается и ликвидируется большое количество культовых зданий. Имущество, находившееся в этих зданиях, имеющее подчас большую музейную ценность, в ряде случаев уничтожается. Так, например, было уничтожено культовое имущество ликвидированных церковей Поддорского

32 Паламарчук П. Сорок сороков. Краткая иллюстрированная история всех московских храмов. Т.1. Кремль и монастыри. М.: Книга и бизнес, 1992.С.17.

района, причем старинные иконы, древние книги и другие культовые предметы сжигались, рукописи шли на макулатуру, парча продавалась для изготовления тюбетеек. Музей истории религии Академии наук СССР заинтересован в получении из ликвидируемых церквей предметов, имеющих музейное значение, и в связи с этим ходатайствует о предоставлении ему права первоочередного отбора соответствующих вещей...». Впрочем, во многих районах области последние действующие храмы исчезли ещё в 1937-1938гг.

Даже в обеих столицах продолжалось закрытие и уничтожение церквей. Решение о ликвидации православного Греческого храма на Лиговском пр. было принято президиумом Леноблисполкома 10 января 1939 г., Знаменскую церковь снесли весной 1941г., уже летом готовилась уничтожение знаменитого собора Воскресения Христова. Спасская церковь в вошедшем ныне в территорию Москвы с. Гиреево была закрыта весной 1941г. На самом «пороге войны» на грани ликвидации находилась московская церковь Ильи Обыденного, несколько месяцев не действовал Казанский храм в Коломенском.

Бывший киевский монах Леонтий, ставший в годы оккупации епископом Украинской Автономной Церкви, а в последствии епископом Чилийским, описал в своих воспоминаниях положение Церкви в предвоенные годы, совершенно справедливо утверждая, что в большинстве главных городов оставалось по одной открытой церкви, в то время как в более маленьких городах, как правило, не существовало ни одной.

Правда, далее он, сильно сгущая краски, писал, что в открытых церквях было оставлено по два священника, таких, которые согласились сотрудничать с НКВД. Они должны были доносить о содержании исповедей, о верующих должностных лицах и о подпольных священниках и мирянах. Епископ Леонтий приводит пример двух священников оставшегося в Киеве прихода. Один, очевидно, вызвал недовольство НКВД, был избит и после побоев

скончался. Перед смертью в больнице он покался в своих грехах перед другими больными. У другого священника ушли жена и сын, взяв с собой черновики его донесений в НКВД. В 1941 г. жена донесла на него немцам, его арестовали, он сознался и был казнен; не ставя под сомнение приведенные факты, следует отметить, что осведомителями НКВД являлась лишь небольшая часть уцелевших священнослужителей. Так, в Ленинграде в 1941 г. из 20 оставшихся представителей духовенства Русской Церкви эти «функции» исполняли только четверо.

Существуют разные точки зрения на количество действовавших православных храмов на территории СССР перед началом войны — в июне 1941 г. Ранее большинство исследователей исходили в своих расчетах из цифр, приведенных в издании советского посольства в Лондоне «Soviet War News» от 28 августа 1941 г. - 4225 приходов, 5665 священников и 28 епископов. Однако в последнее время и советские, и зарубежные историки не критично восприняли обнаруженную в архиве и докладе 1948 г. председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпова цифру в 3021 довоенных храм. Соответственно утверждается, что около 3000 из них находилось на присоединенных западных территориях, а на остальной части СССР — около ста. Так, например, О. Васильева говорила о 121 церкви. Но в документе Г. Карпова речь шла лишь о том, что в составе действующих на 1 января 1948 года 14329 храмов Русской Церкви довоенные составляли 3021. А ведь часть функционировавших в июне 1941 года храмов к 1948 года уже перестала существовать. Например, все три уцелевших к началу войны церкви в южных пригородах Ленинграда: Знаменская в Пушкине, Николаевская в Колпино и Троицкая в Петергофе — сильно пострадали в результате боевых действий, и службы в них прекратились. В другом докладе Г.Карпова в ЦК КПСС от 14 февраля 1947 года обнаруженном автором, приводится иная цифра довоенных православных храмов- 3732. Именно на представляется близкой к истине. В течение 1947 г церкви в СССР почти не

закрывались, и сокращение числа действовавших до войны храмов на 712 могло превзойти только за весь период конца 1941 — 1947 гг.

Поскольку из указанных 3732 церквей около 3350 приходилось на западные области и республики, в остальной части СССР оставалось примерно 350-400 действовавших православных храмов. Эта цифра подтверждается и подсчетами по отдельным епархиям. Так, только Москва с пригородами, Грузия, Казахстан и Средняя Азия, Орджоникидзевский край, Север и Северо — Запад России давали вместе 122 действовавших в июне 1941 года православных церквей, что уже превышает цифру, указанную О.Васильевой³³. Вполне возможно, что специально же не искажались и сведения, указанные в издании советского посольства. 500 же «лишних» храмов не были действующими, но в то же время ещё числились на регистрации. В работах О. Васильевой приведено и количество священнослужителей накануне войны — 6376. Однако источником этой цифры вновь послужил один из докладов Г. Карпова, в котором говорилось, что на 1 апреля 1946 г. на территории СССР служило 9254 священника и диакона, из которых начали службу в годы войны 2878 человек. Таким образом, остальные лишь были посвящены в сан в более ранний период, а какая часть из этих людей служила в 1941 году — неизвестно. Маловероятно, чтобы цифра в 5665 священников в сообщении ТАСС была заниженной. В любом случае количество храмов и священнослужителей, уцелевших к началу войны, было для такой страны, как СССР, просто процентов до уровня конца 1920 — х гг.

В РСФСР в 25 областях не имелось ни одной действующей православной церкви, в 20 — от одной до пяти. На Украине — в Винницкой, Кировоградской, Донецкой, Николаевской, Сумской, Хмельницкой областях были закрыты все храмы. По одному действовало в Ворошиловградской,

33 Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны. С.45, 50; РЦХИДНИ, ф.17,оп.125,д.44,76; ЦГА СПб., ф. 9324,оп.2,д.1,лл.75,108.

Полтавской, Харьковской областях³⁴.

Накануне Великой Отечественной Войны казалось, что ВКП(б) близка к достижению провозглашенной цели в области религиозных отношений. «Бесцерковные» и «безбожные» деревни, поселки, города, районы и целые области насчитывались десятками и сотнями. Согласно проводимым тогда социологическим исследованиям и опросам, количество верующих якобы сокращалось. Официальные средства массовой информации и антирелигиозная литература политики государства, как наиболее полно обеспечивающего свободу совести. Но это была иллюзия. Уже через несколько месяцев ситуация кардинальным образом изменилась — началось бурное «религиозное возрождение».

Таким образом, в 1939 г. произошло изменение курса государственной религиозной политики, закончился десятилетний период открытого активного наступления на Церковь. Причины этой перемены были как внутренними, так и международными: репрессивные акции не помогли снизить высокую религиозность населения СССР; росло количество тайных богослужений; массовое недовольство людей закрытием храмов; надвигавшаяся война требовала большего национального единства вместо атмосферы внутри гражданской борьбы, провоцируемой постоянными нападками на верующих; заинтересованность в использовании Московской Патриархии для распространения советского влияния на миллионы православных жителей присоединенных к СССР в 1939-1940 гг. областей и республик. Положение Церкви временно улучшилось, Патриархия получила возможность совершать архиерейские хиротонии, замещать пустующие кафедры и т. д.

Но и в 1939 — 1941 гг. по-прежнему приоритетной задачей в религиозной политике государства оставалось скорейшее построение безрелигиозного общества. Обеспокоенное активизацией церковной жизни, уже к середине 1940 г. правительство вновь начинает ужесточение ее курса.

Продолжается закрытие храмов, снова растет число арестов священников, в последний раз оживляется деятельность СВБ и т. п.

Однако несмотря на почти полный разгром организационной структуры Русской Церкви, множество запретов, окутывавших ее со всех сторон, жесточайшие гонения, она сумела выстоять, выжить как институт. Все планы искоренения религии терпели неудачи, и это постепенно все больше осознавало советское руководство.

Глава II

Московская Патриархия в 1941-1945гг.

§1.

Патриотическая деятельность РПЦ в помощь фронту.

22 июня 1941 г., в день всех святых, в земле Российской просиявшей, Германия напала на Советский Союз. Казалось бы, начавшаяся война должна была обострить противоречия между государством и церковью. Однако этого не произошло. Складывавшиеся веками национальные и патриотические традиции Русского Православия оказались сильнее обид и предубеждений. Несмотря на духовную несвободу, гонения на них, верующие приняли самое активное участие в борьбе с агрессором. О нападении на СССР Патриарший Местоблюститель митр. Сергей узнал, вернувшись в свою скромную резиденцию из Богоявленского собора, где он служил литургию. Сразу же ушел к себе в кабинет, написал и собственноручно отпечатал на машинке «Послание пастырям и пасочным Христовой Православной Церкви». И это было в тот момент, когда многие государственные и партийные руководители пребывали в растерянности. И. Сталин смог обратиться к народу только на двенадцатый день после начала войны. О каком-нибудь давлении властей на Патриаршего Местоблюстителя при написании им нового военного послания говорить не приходится. «Невзирая на свои физические недостатки, митрополит Сергей казался на редкость чутким и энергичным - свое послание он не только сумел написать, но и разослать по всем уголкам необъятной Родины».

В послании говорилось: «Фашиствующие разбойники напади на нашу Родину... Жалкие потомки врагов православного христианина хотят ещё раз попытаться поставить народ наш на колени перед правдой...Но не в первый раз русскому народу выдерживать такие испытания. С Божией помощью и на сей раз он развеет в крах фашистскую вражескую силу... Церковь Христова благословляла всех православных на защиту священных границ нашей

Родины, Господь нам дарует победу». В своем обращении Митрополит Сергей не упомянул ни Советский союз, ни его правительство. Он писал: «мы, жители России, надеялись, что пожар войны, охвативший почти весь земной шар, до нас не дойдет...» (в этих словах можно найти упрек советских словах, ещё в июне 1941 г., уверявшим что войны не будет).

Местоблюститель призывал священников не оставаться молчаливыми свидетелями и тем более не предаваться «лукавым соображениям» о «возможных выгодах» по другую сторону фронта, было бы, по его словам, «прямой измене Родине и пастырскому слову». Здесь звучал намёк на то, что после всех репрессий у некоторых священнослужителей могли появиться подобные мысли. Это пастырское послание было разослано по всем приходам страны и уже вскоре читалось после богослужений.

26 июня в Богоявленской соборе митрополит Сергей отслужил молебен «о даровании победы». С этого времени во всех храмах Московской Патриархии стали совершаться подобные молебствия, но специально для них составленным текстами: «Молебен в нашествии супостатов, певаемый в Русской православной Церкви в дни Отечественной войны».

В проповеди, произнесенной Местоблюстителем после молебна 26 июня, так же содержалось прямое указание на то, что положение в СССР перед войной было неблагоприятно: «Пусть гроза надвигается. Мы знаем, что она принесет не одни бедствия, но и пользу: она освежает воздух и изгоняет всякие маразмы. Да послужит и наступающая военная гроза к оздоровлению нашей атмосферы духовной... Мы уже видим некоторые признаки этого очищения». Так началось активное участие Русской Церкви в патриотической борьбе. В речи на Архиерейском Соборе 1943 г., митрополит Сергей, вспоминая июнь 1943г., говорил: «О том, какую позицию должна занять наша Церковь во время войны, нам не приходилось задумываться».

26 июля глава Ленинградской епархии митрополит Алексей (Симанский) написал свое обращение к духовенству и мирянам: «Церковь зовет к защите

Родины». Особенную же известность получило его слово за литургией, произнесенное 10 августа в Московском Богоявленском соборе. Он говорил прежде всего о патриотизме и религиозности русского народа: «Как во времена Дмитрия Донского и святого Александра Невского, как в эпоху борьбы с Наполеоном, не только патриотизму русских людей обязана была победа Русского Народа, но и его глубокой вере в помощь Божию правому делу... мы будем непоколебимы в нашей вере и в конечную победу над ложью и злом, в окончательную победу над врагом». С аналогичными обращениями выступили и другие православные иерархии.

Послание главы Русской православной Церкви носили не только призывной и консолидирующий характер, но и имели разъяснительные цели. В них определялась твердая позиция Церкви по отношению к захватчикам в войне в целом зависимо от положения на фронте. Так, 4 октября 1941 г., когда Москве угрожала смертельная опасность, а население переживало тревожные дни, митрополит Сергей выпустил послание к московской пастве, призывая к спокойствию верующих³⁵.

В ноябре 1941 г., уже находясь временно в Ульяновске, митрополит Сергей издал новое обращение, обращение, укрепляющее в народе уверенность в близком часе победы: «Премудрый же и Всеблагий Вершитель судеб человеческих, да увенчает наши усилия конечной победой и да ниспошлёт успехи воинству русскому, залог нравственного и культурного преуспеяния человечества»³⁶.

Особое внимание в своей патриотической деятельности Русская Православная Церковь уделяла работе с верующими на оккупированной территории. В январе 1942 года, в специальном обращении к православным людям на временно оккупированной немцами территории Патриарший Местоблюститель напомнил, чтобы они, находясь в плену у врага, не

35 Русская православная церковь и ВОВ, с.7.

36 Русская православная церковь и ВОВ, с.10.

забывали, что они — русские, и сознательно или по недомыслию не оказались предателями своей Родины.

Одновременно митрополит Сергей призывал содействовать партизанскому движению. Так, в Послании было подчеркнуто: «Пусть ваши местные партизаны будут и для вас не только примером и одобрением, но и предметом непрестанного попечения».

Помните, что всякая услуга, оказанная партизану, есть заслуга перед Родиной и лишний шаг к нашему собственному освобождению от фашистского плена».

Всего за годы войны Патриарший Местоблюститель обращался к верующим с патриотическими посланиями 24 раза, откликаясь на все основные события в военной жизни страны. Патриотическая линия Церкви имела особое значение для православных христиан, миллионы которых участвовали в боевых операциях на фронте в патриотических отрядах, трудились в тылу. Тяжелые испытания лишения войны стали одной из причин значительного роста религиозности в стране. Представители разных слоев населения искали и находили в Церкви моральную опору и утешение, своеобразную психологическую нишу. Существует множество свидетельств активного проявления религиозных чувств буквально с 22 июня 1941г. Так, упоминавшийся торжественный молебен 26 июня в Богоявленском соборе Москвы «прошел при исключительно большом стечении народа как внутри, так и вокруг храма».

В посланиях иерархов и проповедях священников Церковь не только утешала верующих в скорби, но и поощряла их к самоотверженному тылу в тылу, мужественному участию в боевых операциях, поддерживала веру в окончательную победу над врагом, способствуя тем самым формированию высоких патриотических чувств и убеждений среди тысяч соотечественников. Кроме того, и от имени Церкви подвергались осуждению дезертирство, сдача в плен, сотрудничество с оккупантами. Все это способствовало изживанию

пораженческих настроений, получивших определенное распространение в первый период войны и в конечном итоге создавало «нравственное условие победы», которые в значительной мере изменили ход военных событий. Проявления патриотической деятельности русской церкви были очень многообразны. Сотни священнослужителей, включая тех, кому удалось вернуться к 1941 г. на свободу, отбыв в лагерях, тюрьмах и ссылках, были призваны в ряды действующей армии. Так, уже побыв в заключении, заместителем командира роты начал свой боевой путь по фронтам войны С.М. Извеков, будущий Патриарх Московский и всея Руси Пимен. Наместник Пскова-Печерского монастыря в 1950-1960-х гг., архимандрит Алипий воевал все 4 года, оборонял Москву, был несколько раз ранен и награжден орденами. Будущий митрополит Калининский и Кашинский Алексей на фронте был пулемётчиком; когда в 1943 году он вернулся к священнослужению, на груди его блестела медаль «За боевые заслуги». Протоиерей Борис Васильев, до войны диакон Костромского кафедрального собора, в Сталинграде командовал взводом разведки. А знаменитый старший сержант Павлов, возглавлявший группу советских бойцов, несколько месяцев удерживавших «Дом Павлова» в центре Сталинграда, был до службы в армии — монахом. В докладе Г.Карпова секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову о состоянии русской церкви от 27 августа 1946 г. указывалось, что многие представители духовенства награждены орденами и медалями Великой Отечественной войны и проводились конкретные примеры: священник Ранцев — орденом красной звезды, протодиакон Зверев и диакон Хитков — каждый четырьмя медалями.

Активно участвовали священнослужители и в партизанском движении. На оккупированной территории они подчас являлись единственным связующим звеном между населением и партизанами. Священники укрывали отставших при отступлении от частей красноармейцев, сбежавших из лагерей военнопленных, вели патриотическую агитацию среди населения, сами

ветшали в ряды антифашистских отрядов. Десятки их были награждены медалью «Партизану ВОВ» Говоров скрывал у себя сбежавших из фашистского плена летчиков и помог им перейти к своим, а протоиерей Семькин не только помогал пленным красноармейцам, но и после прихода советских войск мобилизовал местное население для дежурства и ухода за ранеными в полевом госпитале.

Особенно многочисленным было участие священнослужителей в антифашистской борьбе на оккупированной территории в «партизанской республике» - Белоруссии. Так, протоиерей Александр Романушко из Полесья с 1942 по лето 1944 года лично участвовал в боевых операциях, ходил в разведку. В 1943 году он при отпевании полицая при большом скоплении народа и в присутствии вооруженной охраны прямо на кладбище сказал «Братья и сестры, я принимаю большое горе матери и отца убитого, но не наших молитв и «со святыми упокой» своей жизнью заслужил в гробе предлежащий. Он — изменник родины и убийца невинных детей и стариков. Вместо «Вечной памяти» произнесем же: «Анафема»». Полицаев же он просил обратить оружие против фашистов. Эти слова произвели на людей сильное впечатление и прямо с кладбища многие ушли в партизанские отряды.

Можно привести множество подобных примеров. Не случайно даже в выпущенном в годы войны кинофильме «Секретарь райкома» священник помогает партизанам, и в конце фильма набат церковного звона призывает на защиту Отечества. Подробнее о порой очень неоднозначных отношениях духовенства на оккупированной территории с партизанским движением будет рассказано в следующем параграфе главы.

Необходимо отметить не только присутствие священнослужителей и составе действующей армии или антифашистского подполья, но и обращении к вере многих солдат, офицеров, партизан, в том числе старших командиров. Из свидетельств очевидцев известно, что начальник Генерального штаба Б.М.

Шапошников носил финифтевый образ святого Николая и молился: «Господи, спаси Россию и мой народ». Неоднократно свои религиозные чувства проявлял командующий Ленинградским фронтом маршал Л. А. Говоров, после Сталинградской битвы стал посещать православные храмы маршал В.Н. Чуйков. Широкое распространение среди верующих получила убежденность, что всю войну с собой в машине возил образ Казанской Божией Матери маршал Г.К. Жуков. В 1945 году он вновь зажег неугасимую лампаду в Лейпцигском православном храме-памятнике, посвященном «Битве народов» с наполеоновской армией. А в конце 1940-х., отправленный командовать Одесским военным округом, проезжая Киев, Г.Жуков принес в храм и попросил оставить в алтаре свою военную икону Казанской Божией Матери. Естественно, что верующими становились рядовые солдаты, ежедневно рисковавшие своей жизнью. В одном из писем с фронта, характеризующем типичность ситуации того периода, солдат М.Ф. Черкасов писал домой матери: «Мама, я вступил в партию.... Мама, помолись за меня богу». О росте религиозности в армии в годы войны свидетельствуют архивные документы, очевидцы и даже литераторы, например, писатель В.Ф. Тендряков.

О проявлениях религиозных настроений в войсках, как правило, быстро становилось известно в вышестоящих инстанциях, но те, в основном, ограничивались пассивным наблюдением. Так, 16 февраля 1944 года при взятии города Луги советскими войсками генерал Лобанов вызвал в д. Заозерье помогавшего партизанам священника Образцова и предложил ему в присутствии населения окрестных деревень, работников штаба и красноармейцев отслужить благодарственный молебен об одержании победы. После молебна генерал публично поблагодарил священника за антифашистскую деятельность. В отчете уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви в Марийской АССР за 1994 год отмечалось: «... к великому сожалению, церковь посещает даже командный состав воинских

частей. Характерный случай: верующие переносили в сентябре иконы из Цибикурской церкви в Йошкар-Олу, и по пути следования к этим иконам прикладывались... командиры воинских частей и жертвовали деньгами — было собрано 17000 рублей».

Были случаи, когда с фронтов посылались в Москву телеграммы с просьбами направить в действующую армию материалы с проповедями духовенства Русской церкви. Так, 2 ноября 1944 года, в главном управлении РККА с 4-го Украинского фронта поступила «телеграмма, заверенная подполковником Леновским, с просьбой «повстречавшейся надобности в самом срочном порядке выслать материалы Синода для произнесения проповедей в день празднования годовщины Октября, а также ряд других руководящих материалов Православной Церкви». Таким образом, командование хотело откликнуться на настроения солдат. Есть свидетельства о выступлениях в действующей армии не только священников, но и архиереев. Например, совершении в ноябре 1942 года под Сталинградом, на другом берегу Волги, митрополитом Николаем молебна перед Казанским образом Божией Матери.³⁷

Когда эта решающая битва войны близилась к концу, 19 января Патриарший местоблюститель в Ульяновске возглавил крестный ход в Иордань. Он горячо молился о победе русского воинства, но невиданная болезнь заставила его слечь в постель. В ночь на 2 февраля 1943 года митрополит, как рассказывал его келейник, архимандрит (Разумов), пересилив недуг, попросил помочь подняться с постели. Встав с трудом, он положил три поклона, благодаря Бога, и сказал: «Господь воинств, сильных в брани, низложил восстающих против нас. Да благословит Господь людей своих миром! Может быть, это начало будет счастливым концом». Утром радио передало сообщение о разгроме немецких войск под Сталинградом.

37 Табунщикова Л.В. Особенности церковной жизни на территории Ростовской области в период немецкой оккупации в годы Великой Отечественной войны // "Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики". 2015. №10.

§2

Взаимоотношения РПЦ и Советского государства в 1941-1945 гг.

Начавшаяся 22 июня 1941 г. война, вопреки ожиданиям многих, не обострила отношения Московской Патриархии с государством. Церковь не поддавалась искушению рассчитаться за нанесенные ей жесточайшие удары. Патриотизм православного духовенства и мирян сильнее обид и ненависти, вызванных долгими годами гонений на религию. С первого дня Отечественной войны руководство Московской Патриархии призвало народ к защите Родины и этим поддержало государство. Такая позиция Церкви была особенно важна в свете значительного роста религиозности как среди населения, так среди военнослужащих. Она создавала, по словам митрополита Алексия, «нравственные условия победы». Религиозный фактор сыграл очень существенную роль в изменении поначалу неблагоприятного для СССР хода боевых действий. Проявления патриотической деятельности Русской Церкви были очень многообразны: морально — нравственного влияния; сбор денежных средств, драгоценностей, медикаментов, одежды, продуктов в фонд обороны; служба церковнослужителей в рядах действующей армии и участие в партизанском движении; помощь раненым бойцам шефством над госпиталями и оснащением санитарных пунктов; участие в сооружении оборонительных укреплений, организации противовоздушной обороны и т. д. Личным примером духовенство Московской Патриархии призвало народ к мобилизации всех сил в помощь обороне и укреплению тыла. Все это не могло не оказать воздействие и на религиозную политику советского правительства.

Уже первые слова обращения И.Сталина к народу 3 июля 1941 г.: «Дорогие соотечественники! Братья и сестры!» были подсказаны не марксистско - ленинской идеологией, а скорее церковной проповедью. По свидетельству советского религиоведа Э.И. Лисавцева, первая краткая встреча председателя Совнаркома с Патриаршим Местоблюстителем

состоялась в июле 1941 г. и оба остались ею довольны. Реальная действительность заставляла И. Сталина, руководство ВКП(б) начать пересмотр своей религиозной политики, перейти к диалогу во имя единства верующих и атеистов в борьбе с общим врагом России.

Впрочем, первоначально изменения были небольшие. Митрополитам Сергию, Алексию, Николаю не препятствовали распространять свои патриотические воззвания, хотя это и являлось нарушением закона. Полностью прекратилась антирелигиозная пропаганда, была свернута деятельность «Союза воинствующих безбожников», правда, формально он не был распущен. И. Сталин через секретаря А.Н. Поскребышева порекомендовал «главному безбожнику» Е. Ярославскому публично отметить новую патриотическую позицию Церкви. Тот не посмел ослушаться и после долгих сомнений 2 сентября подготовил статью «Почему религиозные люди против Гитлера» для печати, подписав её экзотическим трудноузнаваемым псевдонимом Каций Адамиани. В статье, первоначально предназначенной только для зарубежного читателя, высоко оценивалась патриотическая деятельность Московской Патриархии, а также некоторых других религиозных объединений СССР. А в 1942 г. вышла другая статья Е. Ярославского о православном христианстве писателя Ф.М. Достоевском. Предметом исследования была приписываемая Достоевскому ненависть к немцам³⁸. Метаморфоза главного гонителя Церкви в 1920-1930-х гг. особенно показательна. К октябрю 1941 г. были закрыты практически все антирелигиозные периодические издания. Флагман же советского атеизма журнал «Под знаменем марксизма» начал печатать статьи о выдающихся русских исторических деятелях, великом русском народе, героизме советских солдат и т. п., а в 1944 г. и совсем прекратил свое существование.

В июле — августе 1941 г. ещё нередко проводились арестовать священнослужителей. Например, когда Ленинград очищался от

³⁸ Ярославский Е. Федор Михайлович Достоевский про немцев// большевик, 1942, № 16.с.38.

неблагонадежных элементов, было арестовано несколько членов клира Никольской Больнеохтенской церкви, в том числе 28 августа священник Николай Ильяшенко. 4 сентября он был эвакуирован в тюрьму в пос. Саблино Ленинградской области порт. Николай Близнецкий. Его эвакуировал в Новосибирскую область, где он и умер в тюремной больнице г. Мариинска 10 февраля 1942 г. Но с осени 1941 г. аресты клириков Московской Патриархии почти прекратились. Более того, из лагерей освободили десятки священнослужителей, в том числе к сентябрю 1943 г. 6 архиепископов и 5 епископов. Постепенно начали возрождаться епископские кафедры. Появились первые, пока ещё редчайшие случаи восстановления закрытых храмов. Так, последняя Троицкая церковь г. Горького перестала функционировать 10 декабря 1940 г. и была вновь открыта 10 августа 1941 г. Религиозные центры СССР признали де-факто, им снова разрешили устанавливать связи с заграничными церковными организациями.³⁹

Осенью 1941 г. была очень тяжелым временем для страны. Фронт приблизился к Москве. 12 октября митрополит Сергей написал завещание, в котором на случай своей смерти передавал полномочия Местоблюстителя митрополита Алексею (Симанскому). За несколько дней до этого, 7 октября, по указанию центральных властей Московский горисполком принял решение об эвакуации из столицы руководителей основных религиозных организаций СССР. Эту, по существу, принудительную эвакуацию провели 14 октября, несмотря на то, что у митрополита Сергея была высокая температура. Историк В.И. Алексеев высказал вполне обоснованную точку зрения, что церковное руководство отправили в тыл с целью не допустить возможности захвата его германскими войсками в случае падения Москвы и использовании фашистами в пропагандистских целях. Первоначально планировалась эвакуация в Оренбург, но затем по просьбе митрополита Сергея его заменили на Ульяновск. Здесь с 19 октября 1941 г. до конца лета 1943 года и проживал

Патриарший местоблюститель вместе с сотрудниками канцелярии Патриархии. Был эвакуирован из Москвы и Митрополит Николай (Ярушевич), но уже в ноябре 1941 года ему разрешили вернуться в столицу.

Экзарх Украины стал заместителем митрополита Сергия. Он сразу же начал активно сотрудничать с властями в организации пропаганды за границей и вскоре был включен в качестве представителя Патриархии в различные государственные и международные организации (Всеславянский комитет).

В феврале 1942 г. было разрешено в пропагандистских целях возобновить издательскую деятельность Русской церкви. Предисловие к книге «Правда о религии в России» написал Патриарший Местоблюститель. Подготовлена она была в чрезвычайно короткие сроки и уже летом вышла из печати. Интересно, что её напечатали в типографии практически переставшего существовать «Союза воинствующих безбожников», и часть тиража по оплошности имела гриф антирелигиозного издательства. Книга эта была издана тиражом 50 тыс. экземпляров, одновременно на нескольких языках и распространялась, согласно свидетельству Совета по делам Русской православной церкви, в США, Великобритании, Швеции, на Ближнем Востоке и за линией фронта. В 1943 году была подготовлена и напечатана ещё одна пропагандистская книга «Русская православная церковь и Великая Отечественная Война», посвященная патриотической деятельности Московской Патриархии. Однако, когда митрополит Ленинградский Алексей обратился к властям с ходатайством о разрешении издать подобную книгу, посвященную Ленинградской епархии, ему ответили отказом.

Явной уступкой Церкви было последовавшее в апреле 1942 года разрешение в Москве, Ленинграде и ряде других городов совершать Пасхальный крестный ход вокруг храмов с зажженными свечами, на эту ночь отменили комендантский час. Произошло фактическое снятие некоторых ограничений на вне богослужебную деятельность, проведение массовых

религиозных церемоний. Характерно, что в блокадном Ленинграде в самую страшную голодную зиму 1941-1942 гг. все православные храмы снабжались минимально необходимым количеством вина и муки для причащения богомольцев.

С помощью властей в марте 1942 года в Ульяновске был проведен Собор епископов, осудивший создание автокефальной Украинской Православной Церкви. В этом же году вновь появилась возможность совершать архиерейские хиротонии. В мае — октябре были хиротонисаны во епископов предварительно постриженные в монахи вдовы протоиереи: Сергей Городцов, Владимир Градусов и Николай Чуков. К концу пребывания Патриаршего местоблюстителя в Ульяновске число архиереев Патриархии достигло семнадцати.

Однако отношения церкви и государства в первый год войны подлинным диалогом ещё не стали. В это время нередки были рецидивы прежней политики, грубо — административных, насильственных акций, прежде всего по отношению к приходам. Так, например, 29 января 1942 года председатель двадцатки Серафимовской церкви К. Андреев писал в адм.отдел Ленсовета, что здание храма оказалось самовольно «взято райсоветом Приморского района под склад-распределитель для приема покойников... по распоряжению председателя товарища Белоусова без меня и члена двадцатки церковь была вскрыта, причем все имущество, утварь, и прочее свалено к алтарю». Деньги и продукты, хранившиеся в церкви, оказались расхищенными, запас дров сожжен. Церковь вернули верующим только в апреле 1942 г.

К лету 1942 года, когда стала очевидна политическая значимость церковного вопроса, сложилась система сбора информации о деятельности религиозных организаций на оккупированной территории и в пределах СССР. Основным информатором правительственных и партийных органов стал Наркомат внутренних дел. От него же исходили инициативы по проведению различных акций в отношении религиозных организаций. В архивах

сохранилось большое количество докладных записок заместителей наркома внутренних дел В.Н. Меркулова и Б.З. Кобулова секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову, в 1942-1943 год курировавшему религиозные вопросы по партийной линии. В этих записках запрашивались санкции на издание типографским способом и распространение патриотических воззваний священнослужителей, проведение соответствующих радиопередач, ограничение контактов православного духовенства с военнослужащими и т. д.

5 января 1943 года Патриарший Местоблюститель предпринял важный шаг на пути к фактической легализации Церкви, использовав сборы на оборону страны. Он послал И. Сталину телеграмму, прося его разрешения на открытие Патриархией банковского счета, куда вновь вносились бы все деньги, пожертвованные на нужды войны в храмах СССР. 5 февраля председатель СНК дал свое письменное согласие и от лица Красной Армии поблагодарил Церковь за её труды. Получив разрешение открыть банковский счет, Патриархия приобрела урезанный статус юридического лица.

В начале 1943 года И. Сталин и его ближайшее окружение пришли к окончательному решению о необходимости приступить к нормализации государственно — церковных отношений. На него повлияла целая группа внутренних и внешнеполитических факторов. Одной из причин была активная патриотическая деятельность подавляющего большинства духовенства и мирян. За полтора года войны, несмотря на отсутствие необходимого аппарата управления, печатного органа и юридического статуса, Православная Церковь показала свою силу в борьбе против фашизма, сумела во многом расширить и упрочить влияние к стране. Один из руководителей органов безопасности и разведки, П.А. Судоплатов, свидетельствовал, что информацию оперативных работников НКВД, действовавших на оккупированной территории, «о патриотическом настрое церковных кругов совпала с неофициальными просьбами Рузвельта, переданными через Гарримана Сталину, улучшить политическое и правовое

положение православной церкви». Кроме того, Судоплатов отмечал роль сотрудников госбезопасности: «В своей записке в правительство мы также поддержали это предложение, имея в виду важную консолидирующую роль русской православной церкви в набиравшем силу антифашистском движении славянских народов и на Балканах». Определенное значение имело обращение в ходе войны к русским национальным патриотическим традициям. «Идеологическая работа» в массах приобрела совершенно иные, чем прежде черты. Этот поворот осуществлялся целенаправленно во всех областях — от культурно — исторической до религиозной. В процессе завершения переход от интернационального к национально-патриотическому курсу Церкви отводилась роль катализатора и цементирующего компонента. В ней снова увидели опору государственности и патриотизма. Были введены ордена и медали в честь великих русских полководцев, в том числе и в июле 1942 года орден святого князя Александра Невского. В кинохрониках начали показывать немыслимые ещё недавно кадры: в освобожденных городах жители с иконами встречают советских солдат, и некоторые из бойцов, осеня себя крестным знаменем, прикладываются к иконам; освящается танковая колонна, построенная на пожертвование верующих и т. д. Кроме того, советское руководство стремилось нейтрализовать воздействие гитлеровской пропаганды, представлявшей Германию защитницей христианства в России.

В конце 1942 — начале 1943 гг. были освобождены некоторые края и области на юге РСФСР, и Московская Патриархия понадобилась для введения в контролируемое мое русло стихийно возродившейся церковной жизни на подвергшихся оккупаций территориях. Изменение государственно — церковных отношений можно рассматривать как негласное признание «вождем народов» своей крупной политической ошибки, которое давалось ему не без труда. Но И. Сталин руководствовался прежде всего прагматическими расчетами, в свете которых все идеологические аргументы отходили на задний план. Инициатива этого поворота всецело принадлежала

председателю СНК, никто из его окружения, как показывает анализ их идейных позиций, изучение личных качеств, документов, не мог предложить таких радикальных перемен. Но временами вождь был склонен к мистике, любил цитировать Библию. «Члены его охраны рассказывали, как он по ночам таинственно ездил на могилу своей жены — Аллилуевой, как суеверно относился к Троцкому, исступленно желая ему смерти, как настойчиво добивался сохранения тела Ленина для трепетного поклонения ему народа.

Он суеверно, но искренне считал, что народ не может нормально жить без создания культа». Однако прагматизм у И. Сталина, несомненно, преобладал. И в атеизме, и в религии он видел общественные феномены, которые должны служить его системе каждый по-своему. Атеизм был для вождя лишь политическим средством, элементом в общей системе формирования людей в нужном направлении. Широко известен следующий случай. Составляя библиотеку для дачи, Сталин, собственноручно выписал все необходимые издания. И приписал: «Прошу, чтобы не было никакой атеистической макулатуры!». Историк Д.А. Волкогонов совершенно справедливо по этому поводу заметил: «Он мог терпеть атеизм, но только как средство пропаганды тех догм, которые содержались в его собственных работах».⁴⁰

Неизбежность значительного изменения курса государственной религиозной политики стала ощущаться многими связанными с Церковью людьми уже вскоре после победы в Сталинградской битве. По донесениям органов госбезопасности, весной — летом 1943 г. многочисленные «бродячие» священники и епископы агитировали верующих надавать властям ходатайства об открытии храмов, среди московского духовенства распространялись слухи о том, что вскоре должна состояться встреча иерархов с руководством страны. Кое-где местные власти уже фактически отказались от прежней линии. Так, в 1942 — 1943 гг. в 14 районах

40 Волкогонов Д.А. Сталин и религия//Наука и религия, 189, №2.С.11.

Ярославской области беспрепятственно, хотя и неофициально, без юридического оформления стал функционировать храм. Иногда церкви открывались даже при содействии руководящих деятелей государства. Так, в документах Совета по делам РПЦ отмечалось, что в 1943 г. М.И. Калинин «указывал» Ярославскому облисполкому на неправильное отклонение ходатайств жителей Сусанинского района об открытии церкви.

При этом он указал, что не следует возбуждать недовольство верующих теперь, когда требуется единство всего народа для победы над фашизмом, и разрешил открыть церковь в Сусанинском районе. По личному указанию председателя президиума Верховного Совета СССР в 1943 году также открыли две церкви в Ивановской области. В Красноярске в январе - феврале профессор медицины, ссыльный епископ Лука был вызван первым секретарем обкома ВКП (б), который сказал ему, что отношения между Церковью и государством скоро улучшатся, и Владыка сможет вернуться к своему епископскому служению. И вскоре, к началу марта 1943 г., открылся и первый храм в пригороде краевого центра, а Владыку Луку назначили архиепископом Красноярским. 5 Марта он писал сыну: «Я думаю, что резко изменилось отношение правительства к Церкви: всюду открываются и ремонтируются за счет горсоветов храмы, назначают их епископы, митрополит Николай Киевский назначен членом комиссии по немецким зверствам. Затем в Красноярске был открыт второй храм.

Впрочем, еще далеко не везде местные власти шли навстречу желанию верующих. Например, в июне 1943 г. начальник Управления Наркомата госбезопасности по Пензенской области полковник Николаев с тревогой и недоверием писал в обком ВКП (б): «За последнее время среди верующих слоев населения области широко распространялись настроения за открытие церквей. В мае сего года епископ Филарет установил связь с активными церковниками к городу Пенза митрополитом Сергием, от которого якобы имеет полномочия на открытие церквей. Собрал более 1000 подписей

верующих и возбудил ходатайство об открытии церкви в Пензе... особое влияние на религиозно настроенную массу оказывают бродячие попы, монахи, появившиеся за последнее время в области после отбытия срока наказания и выселения из режимных городов». В этом спецсообщении отмечалось, что за организацию религиозного шествия ста женщин из с. Николо — Азясь Мокшанского района в начале июня были арестованы «церковницы».

Весной — летом 1943 года в руководстве страны обсуждался вопрос о том, какому органу поручить проведение новой религиозной политики. На первом этапе было решено оставить это право за созданным в апреле Наркоматом государственной безопасности. Но скоро стало ясно, что ему данное направление деятельности явно не удастся. И среди религиозных организаций он воспринимался как наследник их гонителей — ГПУ и НКВД. Для внешнеполитического имиджа СССР также было полезно хотя бы внешне вывести церковь из-под контроля спецслужб. В результате возобладало мнение, что при Совнаркоме следует образовать специальный орган, который осуществлял бы связь правительства с Русской церковью. Тогда же родилась идея встречи И. Сталина с иерархами. К ней стали интенсивно готовиться. С июля начались оживленные переговоры работников НКГБ с представителями Патриархии — Митрополитом Николаем и управляющим делами протоиереем Н. Колчицким. Органами госбезопасности И. Сталину были представлены подробные материалы о состоянии Церкви, наиболее видных ее руководителях, патриотической деятельности духовенства, возможных кандидатах для избрания Патриархом и т. д.

Конкретный момент для намеченной встречи — первые числа сентября — был выбран неслучайно. В начале осени 1943 года подготавливалась Тегеранская конференция, на которую возлагались большие надежды, связанные с открытием второго фронта. Для оказания действий на союзников — Великобританию и США — было решено использовать влияние

английской церкви, руководство которой уже не раз обращалось с просьбой разрешить визит своей делегации в Москву. Встреча последней с русскими иерархами во главе с Патриархом отвела бы многие обвинения СССР за религиозные преследования. Инициатива государства встретила ответную положительную реакцию Церкви. И могла ли Московская Патриархия поступила иначе — не быть вместе с правительством своего народа в Отечественной войны, не пойти по трагическому, но, в конечном счете, и не использовать возможность хотя бы частичного религиозного возрождения на основной территории СССР. Окончательное «примирение» с властью далось церковной иерархии ценой компромиссов, болезненных для религиозного сознания. В частности, это касалось участия в кампании Прославления И. Сталина, а также содействия осуществлению планов сталинской имперской внешней политики.⁴¹

В конце августа 1943 года власти разрешили возвращения митрополита Сергия из эвакуации, о чем он уже неоднократно просил сам. К примеру, в июле нарком госбезопасности В.Н. Меркулов докладывал А.С. Щербакову: «Руководители церковных центров.. в последнее время высказывают большое недовольство таким длительным пребыванием в эвакуации. Митрополит Сергей даже опасается отстранения его от руководства церковью в связи с тем, что находящийся в Москве митрополит Николай не только управляет практическими делами Московской Патриархии, но и состоит членом Чрезвычайной Государственной Комиссии по выявлению и расследованию немецких зверств, принимает по церковным вопросам иностранных представителей и корреспондентов». Важнейшей вехой новой религиозной политики стало 4 сентября 1943 года. Днем на даче у Сталина состоялось совещание с участием Маленкова, Л. Берии, представителей НКГБ, а также, по утверждению Э.И. Лисавцева, Патриаршего Местоблюстителя Сергия.

41 Табунщикова Л.В. Особенности церковной жизни на территории Ростовской области в период немецкой оккупации в годы Великой Отечественной войны// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики".2015. №10.

Именно на нем оказались практически решены вопросы об открытии приходо́в, духовных учебных заведений, выпуск, церковных изданий, выборах Патриарха и др. Итоги обсуждения были подведены на ночном официальном приеме в Кремле И. Сталиным и В. Молотовым митрополитов Сергия, Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича).

В архивном деле сохранилась запись беседы в ходе этой «исторической» встречи, сделанная присутствовавшим на ней полковником Госбезопасности Г.Г. Карповым.

Сообщение о приеме в Кремле уже на следующий день 5 сентября было опубликовано в газете «Известия». Вскоре после завершения встречи митрополит Сергей передал сластям список священнослужителей, находившихся в заключении. 27 октября он написал ещё одно заявление, адресовав его Г. Карпову: «Прошу вас возбудить перед правительством СССР ходатайство об амнистии перечисленным и прилагаемом списке лицам, которым я бы желал привлечь к церковной работе под моим ведением. Я не беру на себя решать вопрос, насколько эти лица заслужили отбываемое им наказание. Но я питаю уверенность, что оказанная им со стороны Правительства милость побуди их и приложить все свои старания, чтобы показать свою лояльность Правительству СССР и без следа загладить прошлую вину». К заявлению был приложен список на 26 священнослужителей в том числе 24 архиереев. Большинство их к тому времени уже были расстреляно или погибло в лагерях ОГПУ — НКВД. Уцелевших освободили, но это была очень небольшая часть томившихся в тюрьмах и лагерях священнослужителей.

Здесь, как и во многом другом, надежды Патриархии не оправдались. Целый ряд обещаний выполнен не был. Для И. Сталина создавалась видимость благополучия в религиозном вопросе, а за этой ширмой поставить церковь под жестокий контроль, встроить ее в систему режима своей власти. Неслучайно данную работу он поручил Наркомату госбезопасности. Для

осуществления контролирующей роли по постановлению СНК от 14 сентября был создан специальный орган — совет по делам Русской Православной Церкви при правительстве СССР во главе с полковником госбезопасности Г.Г. Карповым. Последний с 1940 года возглавлял 3-й отдел 5-го управления, осуществлявший различные антицерковные акции. Заместителем председателя Совета также полковник по госбезопасности К.А. Зайцев. В беседе с Карповым 13 октября 1943 года В. Молотов указал ему и уполномоченных Совета в основных областях и республиках подобрать из «чекистов». Характерно, что Г. Карпов некоторое время совмещал свою новую деятельность с исполнением прежних обязанностей начальника 3-го отдела. На его соответствующий вопрос в газетах и не придано официальной гласности, то я считаю возможным совмещение». Закончил свою карьеру Карпов в чине генерал — майора. И вплоть до середины 5-х гг. Совет по делам Русской Православной Церкви находился под опекой прежде всего всемогущих тогда органов госбезопасности.

Решение ключевых проблем государственной религиозной политики И. Сталин оставил за собой. Менее важными вопросами в правительстве занимались В. Молотов, а с 1946 года К. Ворошилов, в ЦК ВКП (б) — поочередно Г. Маленков и А. Жданов. Самостоятельная роль руководимого Карповым совета на первых порах была не слишком значительной. В то же время надо отметить, что относительно внутренняя самостоятельность Церкви в первое послевоенное десятилетие была гораздо большей, чем в последующие периоды. В данных осенью 1943 года И.Сталиным устных принципиальных указаниях Г. Карпову, говорилось: «...б) Совету не представлять собой бывшего обер-прокурора, не делать прямого вмешательства в административную, каноническую и догматическую жизнь церкви и своей деятельностью подчеркивать самостоятельность церкви; в) обеспечить соответствующие встречи, приемы, формы общения с патриархом, которые могли бы быть использованы для соответствующего

влияния; г) не смотреть в карман церкви и духовенства...; совету обеспечить, чтобы епископат являлся полновластным хозяином епархии.... право архиерея распоряжаться церковными суммами; не делать препятствий к организации семинарий, свечных заводов и т.п.». Конечно, самостоятельность Патриархии была сильно ограниченной, но все же в тот период она касалась и комплектования кадров духовенства. Государственные органы ещё не видели необходимости в проведении специальной кадровой политики, осуществлении отбора лояльных священнослужителей среднего и низшего звеньев. Служба госбезопасности могла без соблюдения какой-либо законности арестовать почти любого нежелательного священника или архиереев. В отчете Г. Карпова генеральному прокурору СССР А. Вышенскому на приеме в Совнарком в конце 1943 года по вопросу назначения и перемещения священнослужителей говорилось: « Совет имеет предложения: а) патриарх согласовывает вопрос с Советом только о назначениях, касающегося Синода, епископата и священнослужителей кафедральных соборов; б) на местах епископы согласовывают вопрос с уполномоченными по делам церкви только в отношении настоятелей церквей и благочинных; в) назначение всех остальных решается епископатом самостоятельно. Глубокие изменения в жизни РПЦ начались сразу же после встречи в Кремле. Уже 8 сентября в Москве состоялся Собор епископов, на котором 19 иерархов единогласно избрали Патриархом Московским и всея Руси митрополита Сергия. Собор также обратился к христианам всего мира с призывом объединиться для окончательной победы над фашизмом. 12 сентября произошла интронизация Патриарха, и через неделю в здании бывшего германского посольства, переданного Патриархии, он приветствовал прибывшую из Великобритании делегацию Англиканской Церкви во главе с архиепископом Йорским Кириллом Гарбеттом. В сентябре 1943 года вышел первый номер «Журнала Московской Патриархии».

Много внимания уделялось возрождению духовного образования.

Главным вдохновителем и организатором его был архиепископ Григорий (Чуков). Он разработал проект создания средних и высших богословских школ, одобренный на октябрьском заседании Синода. В лице архиепископа Георгия, ректора Ленинградского Богословского института 1920-е гг., установилось преемство новой школы от старой. По его замыслу, возрождаемая школа должна была стать богословской, а не просто пастыро — практической. Перечень аналогичных наук в ней не только соответствовал дореволюционной программе Духовной Академии, но даже вводились новые предметы — история русской религиозной мысли и т. д. «Таким образом, замысел следует признать высоким, мыслилось возрождение богословской науки и русской богословской традиции». Однако в полном объеме он оказался неосуществимым, помешали противодействие властей, неподготовленность студентов и преподавателей. И всё же после массовых чисток и репрессий уцелела небольшая группа профессоров старых духовных школ, обеспечивших определенное преемство традиций.

План воссоздания организационной структуры Русской Церкви, также лишь частично реализованный на практике, разработал другой выдающийся церковный деятель — архиепископ Лука (Войно — Ясенецкий). 15 июня 1944 года он изложил его в письме к митрополиту Алексию. Власти вовсе не желали восстановления мощной церковной организации. Это ярко проявилось в процессе открытия храмов 28 ноября 1943 года. Совнарком принял постановление, согласно которому ходатайство верующих сначала рассматривались местными органами, в случае их одобрения пересылались в Совет по делам РПЦ, после предварительного решения которого поступали в Совнарком, а затем снова в Совет. Такая многоступенчатая процедура была выработана с целью тщательно дозировать открытие новых храмов. Бесконтрольный стихийный рост количества приходов вызывал сильнейшую тревогу в правительстве. Так, в феврале, 1944 года, в Ярославской области, по неполным данным, самовольно действовал уже более 90 церквей. Властям

представлялось необходимым обуздать этот поток, превратив его в тоненький ручеек. В одной из ноябрьских бесед с Г. Карповым, В. Молотов указывал: «Пока не давать никаких разрешений на открытие церквей. В последующем по вопросу открытия входить за санкцией в правительство и только после этого спускать указания в облисполкомы... Открыть церкви в некоторых местах придется, но нужно будет сдерживать решения этого вопроса». Только 5 февраля 1944 года Совет принял постановление «оккупированных территорий — на Украине, в Ставропольском крае началась кампания по изъятию у церковных общин зданий, до 1941 года использовавшихся для общественных целей, причем порой без предварительного предупреждения верующих.

Заключение

Государственно — церковные отношения на протяжении многих столетий были существенной частью политической истории России. Не стал исключением и XX век. Более того, после Октябрьской революции они обрели особые драматизм и остроту, порой оказывая заметное влияние на общую ситуацию внутри страны и международную положение СССР.

На протяжении XX века в Российской Империи, СССР, России сменялись, только как основные официальные идеологии Православного государства, интернационального коммунизма, социалистической великодержавности, демократического социализма, либеральной демократии, национальной государственности (в настоящее время). Их смена так или иначе влияла на отношения с Церковью. В середине и второй половине столетия советское общество трижды переживало идеологический кризис: в начале 1940-х, середине 1950-х и конце 1980-х гг. и все они совпадают с началом трех ступеней религиозного возрождения в СССР. Строй советской России был таков, что религиозные, идеологические и культурные течения в жизни общества, не укладывающиеся в рамки официальной идеологии, не имели возможности открыто развиваться. Это не делало их менее жизненными, хотя и вело к угнетению и деформациям, связанным с вынужденной закрытостью. И только в кризисные периоды подобные течения неожиданно для властей давали себя знать в виде организованных или стихийных проявлений. И руководство страны было вынуждено корректировать курс своей религиозной политики. Религиозную политику властных структур СССР и их отношения с Московской Патриархии можно разделить на 5 основных этапов. В 1939 — 1943 гг. произошел отказ от истребления духовенства, была постепенно свернута атеистическая пропаганда, Патриархия впервые начала использоваться государственными органами для распространения советского влияния на западных границах страны. Но диалога отношений Церковь — Государство ещё не стали.

Ситуация существенно изменилась в 1943 — 1948 гг. В это время руководство СССР, не располагая ядерным оружием, для реализации своих широкомасштабных международных планов было вынуждено активно использовать деятельность церкви. В сложившихся относительно благоприятных условиях Патриархия сумела заметно расширить свое влияние в стране. Но в то же время между ней и правительством существовала лишь видимость взаимопонимания. Для И. Сталина было важным поставить Церковь под жесткий контроль, сделать её послушно управляемой своей политической игре. Это особенно ярко проявилось на третьем этапе — в 1948 — 1953 году. Как только международная деятельность Московской Патриархии ограничилась участием в постсоветском движении за мир, все возможности для дальнейшего роста числа ее приходов тут же были ликвидированы. Более того, стала целенаправленно проводиться политика вытеснения церкви из общественной жизни, правда, без афиширования смены курса. 1953 год послужил началом нового этапа. Хотя государственная религиозная политика «потеплела» лишь с конца 1954 года, но явное оживление церковной деятельности в стране стало ощущаться на год раньше. Вплоть до середины 1958 года Патриархия, используя общее смягчение политического климата, внутривластную борьбу, в целом успешно расширяла свое влияние. На 1958-1964 гг. приходится завершающий этап.

Вновь в государственно — церковных отношениях начал преобладать административно — силовой подход, резко активизировалась атеистическая пропаганда. В связи с принятыми планами построения коммунистического общества над религиозными организациями нависла угроза полного уничтожения. В то же время существенно расширилась международная деятельность Московской Патриархии, что и явилось одной из основных причин прекращения антицерковных акций сразу же после смещения Н. Хрущева в октябре 1964 года.

В соответствии с курсом государственной религиозной политики

существенно менялась в сторону смягчения (середина 1940 - х гг.) или ужесточения (начало 1960 - х гг.) конституционно — правовая база. Ещё в 1943 году впервые при правительстве был создан специальный орган, ведавший церковными делами — Совет по делам РПЦ. На протяжении двух десятилетий он заметно изменился — значительно вырос численно, расширились свои функции, избавился от чрезмерной опеки службы госбезопасности. Но одновременно под жестким давлением партийного аппарата Совет из органа, контролирующего и регулирующего деятельность Патриархии в интересах государства, постепенно превращался в проводника идеологических антирелигиозных установок ЦК КПСС.

Не оставались неизменными и формы, масштабы репрессивных акций. Улучшение государственно — церковных отношений не означало их (репрессий) полного прекращения, хотя, конечно, влияло на размеры. Так, в 1939 году, число арестованных священнослужителей и мирян по церковным делам упало по сравнению с 1937 — 1938 гг. в десятки раз, однако все же составило 1500 человек. В 1940 г. их было соответственно 5100 и 1100, в 1941 году — 4000 и 1900, в 1943 году — 1000 и 500. Даже в самый благоприятный для Московской Патриархии период — 1944-1946 гг. - количество смертных казней составляло ежегодно более 100. Эти акции являлись важной составной частью сталинского механизма контроля и устрашения. Масштабы репрессий священнослужителей заметно выросли в конце 1940-х — начале 1950 — х гг., но затем резко пошли на убыль. Картина вновь изменилась с 1958 — 1959 гг. Правда, теперь в основном применялись иные формы наказания нелояльных священнослужителей — снятие с регистрации, изгнание из пределов епархии и т. п. Однако и в это время были аресты, судебные процессы, инакомыслящих стали отправлять в психиатрические лечебницы. Всего в 1961 — 1964 гг. было суждено по религиозным мотивам 1234 человека. С одной стороны, репрессии помогали удерживать под контролем значительную часть духовенства Московской Патриархии, подавлять особенно активные

проявления церковного сопротивления. Но с другой — загоняли религиозную жизнь в подполье, были непосредственно причиной значительного роста рядов катакомбного движения, подрывали доверие к власти среди широких слоев верующих, способствовали падению престижа СССР в глазах мировой общественности. И, в конечном итоге, расчеты на них властных структур не оправдались.

Реакция Московской Патриархии на гонения, как правило, была очень активной. И властям в той или иной степени приходилось ее учитывать. Значительную часть исследуемого периода Русская Церковь находилась в центре «большой политики», и самостоятельность ее руководства, особенно на международной арене, была небольшой. Следует отметить, что Церковь много сделала в налаживании контактов Восток — Запад, предотвращении глобальных конфликтов, чреватых мировой катастрофы во время Берлинского, Карибского кризисов. В то же время нельзя оценивать внешнюю деятельность Русской Церкви исключительно с политических позиций, основным был чисто религиозный диалог.

Руководство Московской Патриархии шло на частичное выполнение отведенной ему роли с целью сохранения в атеистическом государстве легальной многомиллионной церкви, оно желало обеспечить ее целостность. Сказывалось и влияние многовековой традиции «симфонии» с государственной властью. Следует отметить, что постоянное давление на Церковь, широкомасштабные антирелигиозные акции подрывали духовные основы общества, губительно сказывались и на сфере производства, разрушая трудовую этику. Они стали одной из причин нарастания острейшего кризиса в СССР.

Антирелигиозному курсу властей навсегда противостояло церковное сопротивление, принимавшее в разные периоды различные формы. Важнейшими из них были: иосифлянское движение, катакомбная церковь и религиозное диссидентство. Порой это сопротивление достигало

значительных масштабов, заставляя считаться с собой государственные органы. Следует подчеркнуть, что всеобщая политизация общественной жизни в СССР вела, с одной стороны, к трактовке властными структурами любых независимых групп и сообществ как политически оппозиционных. Они соответственно подавлялись. С другой стороны, объединения, руководствовавшиеся в своей деятельности принципами христианской морали, зачастую не пытались полностью осознать свои собственные интересы, осознавая себя политической оппозицией режиму. Такой оппозицией, к примеру, по существу, стали церковные диссиденты.

Рассмотренные в книге вопросы напрямую связаны с проблемами современности. В условиях, когда после краха коммунистической концепции российское общество обратилось к поискам иной веры и новых путей организации своей жизни, некоторые церковные деятели проявили неумение наладить взаимодействие с людьми, ищущими путь к Церкви. Подобная неготовность объясняется, прежде всего, наследием прежних времен, когда религиозные организации были в основном вытеснены за пределы реальной общественной жизни. Это мешает Церкви полноценно выполнять социальные функции. В результате активизируются внеконфессиональные поиски веры, растут проявления духовной эклектичности, множатся ряды членов тоталитарных сект.

Впрочем, далеко не благополучная ситуация с религиозным вопросом сейчас не только в России, но и в Европе в целом. На Западе констатация духовного и культурного кризиса стала практически общим местом. А духовный кризис неизбежно связан с проблемами безопасности и стабильности. После завершения «холодной войны» в Европе вышли наружу многие скрытые прежде противоречия, особенно в области межнациональных отношений. И в ряде восточноевропейских стран, в том числе бывших союзных республик, политическая борьба и межэтнические конфликты приобрели религиозную окраску. Так, например, в Югославии раскол

произошел именно по конфессиям, хотя верующие составляли там меньшинство населения.

В этой связи особенно важной представляется необходимость выработки новой российской государственностью своей модели церковной политики и обязательно с учетом исторического опыта. Государство должно быть светским, пресекая попытки использовать религию в политических целях, но оставляя ее в числе приоритетных интересов, чтобы не допустить расколы общества по национально - религиозному признаку, обеспечить равные условия для всех категорий граждан. Государство должно строить отношения с религиозными организациями на конституционно — правовой основе и отказаться от использования их для достижения своих прагматических целей внутри страны и за рубежом. Важно не повторить ошибок, совершенных в государственно — церковных отношениях в предшествующие десятилетия, а также использовать положительный, пусть и небольшой, опыт, существовавший в их истории.

Источники и литература

Опубликованные документы и материалы

1. Крестный путь Патриарха Сергия: документы, письма, свидетельства современников (к 50-летию со дня кончины) // Отечественные архивы. 1994.№2.
2. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917 — 1941. документы и фотоматериалы. М., 1996

Справочная литература

3. Мир русской культуры. Энциклопедический справочник. М., 2000
4. Покровский Д. Словарь Церковных терминов. М., 1995
5. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Репринт, издательство М., 1999
6. 4. Православная энциклопедия. М., 2000
7. 5. Православный календарь 1994. М., 1993
8. 6. Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 1-2. М., 1993

Научная литература

9. Алексеев В.А. В начале был декрет//Диалог.1991.№4.
10. Алексеев В.А. Иллюзии и Догмы. М., 1991.
11. Алексеев В.А. Цели разные, участь общая// Агитатор. 1989.№21.
12. Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется?// Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР.М.,1992.
13. Бабинов Ю.А. Государственно — церковные отношения в СССР: история и современность. Симферополь, 1991.
14. Бакаев Ю.Н. История государственно — церковных отношений в России. Хабаровск, 1994.
15. Барменков А.Н. Свобода совести в СССР.М., 1986.
16. Бессонов М.Н. Православие в наши дни. М., 1990.

17. Васильева О.Ю. Кремль против Ватикана. Полковник Карпов под руководством генералиссимуса Сталина атакует папу римского//Новое время.1993.№30.
18. Васильева О.Ю. Кнышевский П.Н. Красные конкистадоры. М., 1994.
19. Васильева О.Ю. Кнышевский П.Н. «Тайная вечеря»// Ленинградская панорама.1991.№6,№7.
20. Воронцов Г.В. Ленинская пропаганда атеистического восприятия в действии (1918 — 1937 гг.). Л., 1973.
21. Гордиенко Н.С., Курочкин П.К. Особенности модернизации современного русского православия.М.,1978.
22. Гордиенко Н.С. Современное русское православие.Л.,1998.
23. Кашеваров А.Н. Государство и церковь. Из истории взаимоотношений Советской власти и РПЦ. 1917-1945 гг.СПБ., 1995.
24. Клочков В.В. Закон и религия. М.,1982.
25. Коржихина Т.П. Санин А.С. История российской государственности.М., 1995.
26. Корзун М.С. Русская православная Церковь. 1917 — 1945 гг. Изменение социально-политической ориентации и научной несостоятельности вероучения. Минск, 1987.
27. Крахмальникова З. В поисках обещанного рая. Заметки о церковной жизни в России XX века//Нева.1992.№10.
28. Куницын И.А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. М.,2000.
29. Куроедов В.А. Религия и церковь в Советском государстве.М., 1981.
30. Николин А. Церковь и государство (История правовых отношений).М.,1997.
31. Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1931.
32. Смирнов С. Ростов под тенью свастики. Ростов н/Д, 2006. 192 с
33. Соколов Б. В. Оккупация: Правда и мифы. М., 2002. 349 с.

34. Овчинников В.Г. Русская православная церковь в XX веке//Преподавание истории в школе.1992.№1.
35. Одинцов М.И. Государство и церковь (История взаимоотношений 1917 — 1938 гг.).М.,1991.
36. Одинцов М.И. Государство и церковь в России, XX век.М., 1994.
37. Одинцов М.И. Жребий пастыря// Наука и религия. 1998.№5.
38. Одинцов М.И. Хождение по мукам// Наука и религия. 1990.№5.
39. Поспеловский Д.В. Православная церковь в истории Руси, России, СССР.М.,1996.
40. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX в. М.,1995.
41. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь: испытания начала XX в.// Вопросы истории.1993.№1.
42. Православные церковные братства в России//Храм: специальный выпуск.1997.
43. Рахманова И.В. Борьба религии и атеизма в первые годы советской власти. На материалах Алтайского края// Научный атеизм, религия и современность. Новосибирск, 1987.
44. Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917 — 1945. М., 1996.
45. Русское православие: вехи истории. М., 1989.
46. Цимбаев Н.И. РПЦ в годы испытаний (1900-1941гг) //Вопросы философии.2001.№5.
47. Щапов Я.Н. Васильева О.Ю. и др. Христианские вероисповедания и государственная власть в России в XVIII — первой половине XX в.// Отечественная история.1998.№3.
48. Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI-XIV вв.М., 1972.

Богословская литература

49. Иоанн (Снычев), митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. Стояние в вере. Очерки церковной смуты. СПб., 1995.

- 50.** Цыпин В., протоиерей. История Русской Православной Церкви. 1917 — 1990. М., 1994.
- 51.** Цыпин В., протоиерей. Церковное право. М., 1996.

Публицистика

- 52.** Власть и церковь// Трибуна хлебороба.1997.15 июля.
- 53.** Ворсина В. К струе воды живой//Алтайская правда.2001.10 февраля.
- 54.** Выбор судьбы. РПЦ в современном мире// Алтайская миссия. 1996.№9.
- 55.** Религия и церковь в жизни современной России// Диалог.2001.№3.
- 56.** Роль РПЦ в истории России: круглый стол// Вопросы истории.1990.№3.
- 57.** Булавин М. В. К вопросу о влиянии Великой Отечественной войны на динамику религиозности православного населения // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 4 (12). С. 74-79.
- 58.** Ермолов И. Г. Религия и Церковь в годы оккупации / Исторические статьи и публикации. Орел, 2007. С. 37.
- 59.** Табунщикова Л.В. Особенности церковной жизни на территории Ростовской области в период немецкой оккупации в годы Великой Отечественной войны// "Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики".2015.№10.
- 60.** Хохлов А.В. Возрождение религиозной жизни и эволюция государственно — церковных отношений в годы великой отечественной войны// Религия. Атеизм. 2008.№62.
- 61.** Шишкин Е. Н. Русская Православная Церковь на оккупированных территориях Кавказа в августе 1942 - феврале 1943 г. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 6 (61). С. 113-126
- 62.** Яковлев А.Н. По мощам и елей. М., 1995.

- 63.** Якунин В. Н. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны // Московский журнал. История государства Российского. 1995. № 1. С. 24-26.
- 64.** Якунин В. Н. Русская Православная Церковь на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Самара, 2001. 242 с.
- 65.** Табунщикова Л.В. Особенности церковной жизни на территории Ростовской области в период немецкой оккупации в годы Великой Отечественной войны// "Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики".2015.№10.